

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАРАЛЛЕЛИ PARALELÈS

LITERATŪRINIS GROŽINIS ŽURNALAS

Данное издание вышло в свет благодаря финансовой поддержке Евросоюза.

Его содержание ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться
как позиция Евросоюза.

This document has been produced with the financial assistance of the European Union.
The contents of this document are the sole responsibility of Regional Public Organisation
Kaliningrad PEN Center and can under no circumstances be regarded as reflecting
the position of the European Union

Главный редактор

Олег Глушкин

Зам. главного редактора

Римантас Черняускас

Редакционная коллегия

Елена Александронец

Игорь Белов

Александр Жалис

Вячеслав Карпенко

Сэм Симкин

Валерий Голубев

Арвидас Юозайтис

Компьютерная вёрстка

Алексей Попов

Партнеры проекта “Балтославия”:

- РОО Калининградский ПЕН-центр
- Клайпедское отделение СП Литвы
- МО “Зеленоградский район”

Фоторедактор

Валентин Черноухов

Адрес редакции

Россия, Калининград, ул. 9 апреля, 5

Литва, Клайпеда, ул. Аукштое, 9

Тел/факс:

В Калининграде: (+4012) 460 330

В Клайпеде: (+37046) 410 476

Автор проекта «Балтославия»,
координатор Валентин Черноухов

тел. (+7) 906 237 18 98

e-mail: kpenc@mail.ru; baltoslav@mail.ru

Тираж 900 экз.

Подписано к печати 20.02.2009

ISBN 5-901194-29-2

Все авторские права защищены

*При перепечатке и цитировании
ссылка на «Параллели» обязательна*

Наши партнеры:

*Калининградская Централизованная библиотечная система
Зеленоградская городская библиотека*

ВЕСТКОМП

КИТЦ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONAL FEDERATION OF RUSSIAN - SPEAKING WRITERS

С.ФОТО
www.sfoto.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Сэм Симкин. Художник, воспитай ученика	4
--	---

ДЕБЮТЫ

Клайпедский семинар	5
Антанас Кайрис. Стихи	5
Лада Овчинникова. Рука космоса	6
Екатерина Кукрусова. Стихи	7
Грета Геразимайте. Писанина	9
Сондра Симана. Новеллы	11
Евгений Пащенко. Рыбный день	15
Эдита Яоните. Стихи	17
Александр Валаускас. Странник	18
Раса Юсёните. Стихи	21
Оксана Чернобровая. Человек из другой системы... ..	23

ПАРАЛЛЕЛИ

Анатолий Бахтин. 3-я мировая война (окончание)	25
Антанас Шимкус. Стихи	31
Геннадий Юшко. Стихи	33

УШЛИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Ева Симонайтите	36
Юрий Куранов	41

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ

Раиса Минакова. Провинции Иосифа Бродского	47
Римантас Черняускас. Бродский в Литве	49
Андрей Абрутин. Дни литературы	50
Римантас Черняускас. Пир новеллистов в Клайпеде	52
Олег Глушкин. Двойники Канта	53
Альгис Куклис. Человек с обезьянкой	55

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр Анисимов.Рюриковичи. Поэт и воин	60
Николай Понарин. «...под каблуком земля поет с листа»	61
Краски и слова	62
Дайнюс Собецкис. Между поэзией и мистикой	62

Колонка редактора

Художник, воспитай ученика

Поэт фронтовой плеяды Евгений Михайлович Винокуров, один из моих учителей в Литинституте, написал такие известные строки: «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». Я воспринял эти строки, как завет своего учителя. И еще будучи студентом-заочником названного института, «ликбеза», как мы его в шутку именовали, взялся за руководство молодежным литературным объединением «Родник» в 1970 году и продолжаю играть эту роль до настоящего времени. Много «родниковой» воды утекло, происходила естественная смена поколений. Их лучшие представители стали профессионалами. Это блистательная и яростная в стихе Наталья Горбачева, ироничный до бесшабашности Сергей Погоняев, магическая и нездешняя Жанна Астер, распространяющая озон гражданственности Альбина Самусевич – всех не перечислишь, за этим поколением новое – не менее талантливое – тут и непредсказуемый Андрей Тозик и талантливейший Игорь Белов и многие другие. А сегодня совсем молодые пришли в «Родник» – старшеклассники и студенты. Все они проходят требовательную творческую лабораторию, школу «Родника», учатся уму-разуму. И я без особой рисовки могу констатировать – многому сам у них научился, у своих подопечных – и главное: творческой непосредственности, разнообразию полной очарования цветовой гаммы с оттенками всех цветов радуги.

Отрадно, что теперь «родниковцы» стали участниками творческих семинаров, проводимых по проекту «Балтаславия», и соответственно их произведения увидели свет на страницах нашего журнала. И вдвойне отрадно, что журнал хранит и продолжает традиции дружбы Клайпедских и Калининградских молодых литераторов. Ведь стоит напомнить, что еще в 1980 году в Калининградском книжном издательстве вышел в свет совместный сборник стихов участников двух литературных объединений – калининградского «Родника» и клайпедской «Среды» - «Добрый день – Laba dena». И уже тогда молодые поэты переводили друг друга соответственно на русский и литовский языки. Позже пришли взаимные публикации: литовских литераторов в калининградских литературных журналах «Запад России» и «Балтика», а калининградских в клайпедском альманахе «Балтия».

И вот теперь очередные шаги – в «Параллелях». На семинарах, предшествующих каждому выпуску журнала, продолжается литературная учеба. Мы учим начинающих поэтов и прозаиков и учимся у них.

Сэм Симкин

Клайпедский семинар

В холодный и дождливый октябрь очередной семинар проводился в Клайпеде. Короткие осенние дни настраивали на серьезную работу участников семинара. Молодые прозаики и поэты из Калининграда и Клайпеды с помощью переводчиков знакомились с творчеством друга, разбирали и оценивали произведения.

Иногда критика перерастала в серьезные споры. Некоторые стихотворения молодых поэтов забраковали сами участники семинара, некоторые прозаические тексты были оставлены авторам для дальнейшей работы. Какую пользу литературные уроки дали участникам семинара, читатель “Параллелей” может оценить по данным публикациям.

Антанас КАЙРИС

* * *

Тогда не спрашивали
почему ангел с мечом
его палец пылал
показывал нам дорогу
подняв голову ушли
тогда еще не знали
что означают камни под ногами

* * *

Ты только не видишь
у меня есть медвежья шкура
волчья шкура
шкура маленького серого горноста
я стелю сны
я накрываюсь мечтой
по ночам не холодно спать
я почти поверил
что могу быть медведем волком
даже маленьким горностаем
я почти поверил
что могу спать

перевела с литовского Виолетта ЛАПЕТЕНЕ

Лада ОВЧИННИКОВА

Рука космоса

... и от лица Твоего куда убежу?
(Пс 138,7-13)

Мигает огонек на зарядном устройстве. Погас. Отсоединяю кабель и жду.

Я не смогла жить с людьми. Меня нужно изолировать. И я отдала все, что имела, и мне сделали скорлупку. И честно сказали, что это не больше, чем новейший способ самоубийства.

Мне хочется не столько самой смерти, сколько космического равнодушия. Чистого, неземного.

Разделась. Скорлупка раскрылась, и я приняла в ней позу плода. Жду, когда закроется. А она ждет, не передумаю ли я, пока не поздно. Нет, мне очень хочется в космос. Это не то, что просто убить себя. Я успею насладиться выходом из игры. Насладиться тем, что, кроме меня, НИКОГО НЕТ.

Скорлупка закрылась. В ней темно и нет никаких кнопок. Из нее никак не выбраться.

Взлет. Я в пустоте. Увы, не так уж далеко от земли. Скорлупка есть скорлупка - это не настоящий космический корабль, а всего лишь космическая шлюпка. Но я в пустоте и в полном покое. Неземное, бесконечное, абсолютное космическое равнодушие. Скорлупки хрупкие. Меня предупреждали, что все может закончиться очень быстро. Но смерть - это пустота. Я и так в пустоте и мне это нравится.

Волны пустоты бьются о борта... Станный звук. Бездонный.

Нет, показалось. Нет никаких звуков. И не может быть.

Я все решила сама. Я поступила как силь-

ная и свободная. Сама распорядилась собой. Смело села в эту космическую шлюпку и пустилась в космическое плавание. Я спокойно дрейфую в пустоте.

У меня нечего отнимать. Мне все надоело. На Земле мне тяжело и плохо. Я раздражаю, меня раздражают.

Скорлупка как-то странно покачивается. Или кажется. И кто-то есть вокруг. Или только кажется.

Вращение... Не понимаю, что творится! Невыносимое вращение. Меня швыряет из галактики в галактику.

Вот она - настоящая оторванность от Земли.

Чувствую, как Чей-то бездонный голос волнами накатывает на мою маленькую шлюпку, подхватывает ее и несет, вновь и вновь бросает в космические водовороты.

Прости. Если Ты есть, то Ты есть везде. Сохрани... хоть на чуть-чуть.

Невозможно на маленькой шлюпке переплыть океан.

А-а-а-а-а!!!

Ой, больно как. Слегка поворачиваю голову - ой, еще больнее. Подо мной что-то... Надо мной ничего...

Я уже не в скорлупке - она разлетелась на мелкие осколки. Я лежу на траве какой-то планеты.

Может быть, я умру здесь от голода. Может быть, я умру от ужаса...

Но здесь нет космического равнодушия. И его вообще не существует. Даже в космической пустоте есть Кто-то. Тот, Кто держал мою шлюпку-скорлупку.

Екатерина КУКРУСОВА

Нина

Вином
Воздух
Терпким пахнет;
Он сведет меня, этот запах
в могилу
Или хуже...
Все равно знаю я, что погибну;
И в глазах моих – НИНЫ очи,
Обреченность.
Игра.
А впрочем
Буду жить.
Все равно к погосту.
Буду жить,
Это ОСЕНЬ просто
Веет
Веером
По щекам – шлепками
Дождя...
Этим вечером ты руками
Плавил сердце мое
Но камень
Был холодным
И стал ...
холодным.
Натворила и наследила
Оглянулась назад – застыла
Я столбом, я столпом из пыли;
И глаза мои воском оплыли
В те года, где клюквенным соком
Истекал, пораженный РОКОМ
Бледный мальчик в холодной пролетке
Он был свят,
А я – идиотка.
Это ОСЕНЬ. Она приходит
И по комнатам тихо ходит,
Иногда шелестит чуть слышно
Средь ветвей облетевших вишен.
НИ-КО-ГО. Отражение зеркально.
На меня

Я
смотрю печально,
Наливаю вина в бокалы.
Я САМА ЭТОЙ ОСЕНЬЮ СТАЛА
Или хуже.

Отражение в зеркале
Я знаю – уйдешь однажды,
А я достану бокалы,
Налью себе красной отравы –
Вина из воспоминаний.
И будет вечер таким же,
Как в нашу первую встречу,
И я совсем не замечу,
Как стану старой-старой.
И будет вино не сладким,
А горьким; полынь – не вишня.
И зеркало равнодушно,
Покажет пустое место.

Христос
Я сделаю тебя Христом,
Предам, распну, омою,
Сама же буду над крестом
Кропить тебя слезою.
Сама распну, и будет кровь
Живой водой ручьиться.
А воскресив тебя, я вновь зовусь
Христубийцей.
И снова боль в твоих глазах
Разделена с любовью,
И снова тело как в слезах –
В рябинных каплях крови.
И я приду к тебе тотчас
И жизнь тебе дарую...
Оставь, оставь меня сейчас
И не люби такую!

Грета ГЕРАЗИМАЙТЕ

Писанина

Индивидам общества

ЗАЯВЛЕНИЕ

2009-01-07

Как член клуба любителей скрестения пера, спешу объявить неудовольствие на парящие в воздухе общества убеждения: пускают нам пыль в глаза, хотят доказать, что современные литовцы забыли традиции и мудрость дедов. Поверхность моих мыслей потрясли противоречивые ураганы моих идей, заставляющие показать раскрытые знаки.

Понятно, чёрным по белому, мило соединенные буквенные выражения не оставят ни одного индивида общества, сомневающегося в том, что литовки усердно лелеет наш национальный дух. Скептикам, мрачно хмурым нос, моя рука скоро посыпит доводы, которые сделают эту гипотезу неоспоримой истиной.

Если думать о древних литовках, то в глазах сразу мелькают длинные, ветром растрепанные светлые волосы. Откровенно говоря, это представление гораздо лучше иллюстрирует не черное пятно, а зрелище, когда открываешь глаза: современные литовки со светлыми от солнечно-перекисовых и долго (около часа) в парикмахерской приращенными волосами.

Другое представление, которое выплывает в голове от телевизионных раздумий, транслированных по каналу "Литовки" - сундук рукоделий, в котором заворачивает бесконечность плетений и кружев. Но сегодня литовки тоже взаимны радостям, которые приносят рукоделие: они окунаются в моду моделей и там, при всём желании показать международную любовь и уважение постарелым людям, они вывязывают близкие отношения с как можно старшими мужчинами, а бессонные ночи и дни без куса в горле отражаются на их гибких, словно тросточка, фигурах.

Уже вижу поднятые брови скептиков, ко-

торые промокли под дождём антисовременных идей. Уже слышу посыпавшиеся контраргументы, но я спокойно пером пишу еще одно замечание, которое обезоружит каждого члена общества. Сегодняшние люди очень хорошо помнят языческие времена и своей путеводною звездой величают мифического чёрта. В дискусию зовёт тезис, но я спешу представить неоспоримо каменные замечания, которые станут мне удобными аргументами и словно обороняя сцену, сдержат возможную лавину противоречий.

Чёрт в фольклоре имеет столько имен, сколько имеет пальцев сорок рук (например, Лукавый, Дьявол, Бес, Рогатый, Люцифер и т.д.). Образы, какими это существо может показаться, - тоже не один палец: обыкновенный уж, барчонок, барин, батюшка, немец... Современный литовец количеством имен может сравниться с Бесом: одно его имя вытиснуто в паспорте, другое в губах друзей, а где-то третья спекулирует на рынке виртуального мира. Показать новым образом мы так же умеем: в роли ласково мурлыкающего кота с начальником, мудрой и в очках в ампула совы в интеллектуальной компании и быть милым, постоянно ржатающим в образе коня на голубом экране...

С незапамятных времён Чёрт живёт в подземелии, но этот ловкач иногда берет и меняет место жительства: то он остается в болоте, а вот там - в лесу или под камнями. Чем же этот современный литовец хуже этого мифического существа? Хотя, чтобы продолжить традиции, могли бы жить на родине, но мы весело себе машем и готовы любое дальнейшее пространство превратить в цветущие колонии литовцев.

Задание Беса - хранить в недрах земли скрытые сокровища, в его воле - скот, который древние литовцы отождествили с богатством.

Сегодняшние жители тоже хитрые, поэтому с искренностью выполняют цель, которую поставил “материоцентризм”- центром Висаты превратить материальные сокровища. Радостно и гордо сообщают, что “материки” очень спешны: материя обеспечивает своего хозяина любовью, дружбой, образованием, компетенцией, элитарным местом в обществе, славой... В данный момент “материки” активно работают для нового проекта, у которого главная цель – создать “материосхему”, которая сможет придобавить своему хозяину количество божественных качеств.

Поведение дьявола в сегодняшние дни связывается с “Библией бизнесменов”, которая утверждает: “Не делай ничего за спасибо”. Описанный К. Боруты бесёнок крутил мельничное колесо без ветра, чтобы получить

красавицу Юргу. Современные литовцы за обаятельную девушку взамен дарят ей драгоценности, бизнес или корону красавицы. “Библия бизнесменов” учит и жульничать: сказание “Свадьба Бесов” рассказывает, как Бес отблагодарил человека золотыми монетами, которые утром стали заржавленными. В текущем году эксперты, выращивающие деньги, на много раз оборотливее и, сделав эту идею более современной, зарплаты оплачивают в чеках, которые становятся невидимыми, когда связываются с инспекцией налогов.

Надеюсь, что мои письменно представленные замечания развеяют недовольство сегодняшним днём и поднятый ветер, который заставляет забыть настоящие стародедовские обычаи.

Сондра СИМАНА

Когда хожу с собою пишущей

Колготки Маргариты

Они были фиолетовые. И очень выделялись на фоне серого платья. Помните?

Неужели только мне бросились в глаза фиолетовые колготки Маргариты в спектакле Някрошюса «Фауст»?

Фиолетовый цвет не имеет ничего общего с сексуальностью, однако Маргарита в них соблазняла Фауста. Фауста? Возможно, все же в самом Фаусте сокрыта загадка цвета колготок Маргариты. Разумеется, магистр всех наук прежде всего увидел лицо, душу, а я лучше всего разглядела колготки. Ничего себе фиолет. Потрясающий.

Отправилась в один магазинчик колготок и русской косметики на улице Мантаса. Да, да, напротив «Чили-деревни». И вот так на – колготки моего размера по запрошенному у продавщицы цвету один к одному совпали с виденными во Дворце культуры рыбаков. Купила. Конечно, только одну пару, но, учитывая шестьдесят денов прочности, должно хватить может даже на год. Ведь не каждый день я буду готова ко встрече с Фаустом.

Потом поехала в один магазин Second hand в центре. Да, да, на улице Ю. Янонио (надеюсь, меня не станут обвинять в наглой рекламе магазинов сомнительного пошиба). За какой-то час к колготкам я подобрала нужные вещички – юбку и блузку. Цены совпали – колготки и все остальное стоили поровну.

Маргарита была готова к охоте за Фаустом. Стилистику Някрошюса я нарушила – на серые платья даже не взглянула. Ведь не могу же предвидеть свое сумасшествие, потерю собственной индивидуальности. Режиссер это предусмотрел, одев Маргариту в серое. Сперва девичьи ноги излучали яркий свет мудрости, но потом, когда она тронулась разумом, фиолетовой яркости не стало. Лишь втягивающая,

длящаяся вечность, беспредельная серость. Серость платья Маргариты.

Откуда эта вечная женственность, за которой устремлены мужчины? Она такая детская в спектакле Някрошюса, так кратковременна, наивна. Неужто достаточно приносить себя в жертву до умопомрачения и будешь возвеличена? Возможно, даже спасена?

А мне то что? Хочу быть Маргаритой, но не той, которая выныривает из складок серого платья, а той, чьи ноги выплывают тайну, страсть, волю, возможность оплодотворить, принять в себя не только мужское тело, но и нечто более глубокое, тайное.

Только вот беда, что фиолетовые колготки, какой бы сногшибательной яркости не были, не выделяются так ни на чем, кроме как на сером.

Я иду по городу. Только вот глазами не встречаюсь с Фаустом. Возможно блузка слишком ярка или юбка больно короткая. Сама я чересчур цветистая, чтобы разбудить воображение Фауста?

Я в фиолетовых колготках. Цвета здоровой Маргариты. Ярко, весело.

И это хорошо. Хорошо, что не знаешь ни дня, ни причины своего сумасшествия.

Полевой мальчик

А теперь хочешь по правде? Хочешь знать, как все на самом деле?

Ты наивен. Я совсем тебя не знаю. Встречались парочку раз. Про первую встречу я сначала даже и не вспомнила – в детском саду, ты забирал своего годовалого малыша. Пока я не разыскала тебя, по отзывам других – пишет. Прозу. Мне как раз был нужен молодой перспективный пишущий человек. Ты учился на факультете искусств, вроде бы на режиссерском.

Глубоко внутри у тебя что-то заклинило, возможно, было изранено, возможно, патологически сконфигурировалось. Ты выглядел как страдающий Вингю Йонас¹. Да. Именно. С такой же застывшей душой, но прямо, настойчиво, чуть решительно глядящий на встречающих. Улыбаться ты не умел или забыл, а может, лишь оставил свою раскрепощенность в квартире, которую снимал с семьей на проспекте Мира, близ Акрополя.

Когда отыскивала тебя по ссылкам других людей, вспомнила, что уже прежде видела это крупное лицо, неуклюжую, без четких контуров фигуру. Такие меня всегда привлекают. Правда, что-то неприятное было в твоей фигуре. Недоверие ко всем, вроде бы неуверенность в себе. Мы встретились у детсадовской скамейки. В тот садик ходила и моя дочка.

Ты подал мне тонкую стопку листов, потоптался. Как будто все. Потом еще столкнулись пару раз. Вроде ничего, разминулись.

В последний раз увидела тебя за кассой в магазине Ики. Работал кассиром. Был рождественский период, и ты смешно выглядел в дешевой синтетической шапочке гнома. Ах, ну да, еще разок видела тебя летом продающим мороженое неподалеку от Mega Plaza. Тогда подумала, как выглядит человек не на своем месте. Смотри. Смотри. Он чувствует и думает на другом языке, нежели эта улица и прохожие в полукурортном полугороде, а точнее сказать, – карликовом, хоть никогда и незамерзающем порту. Он протягивает мороженое, берет деньги, но угловатые движения плеч, торса, невидящие глаза, мимо скользящие робкие взгляды, преисполненный намеков язык тела рассказывает совсем о другом.

Твои тексты оказались скучными, растянутыми, размытыми, в общем, плохими, мальчик переросток с волосами цвета льна. Но это еще не все. На моей улице, может даже по соседству, живет высокий еврей – часто проходит мимо моего дома. Его макушка всегда покрыта еврейской шапочкой. Здорово, что порядочный человек открыто демонстрирует свою национальную и религиозную принадлежность. Так вот, у этого еврея трое маленьких детей и жена, худенькая и в очках. Ходят они стайкой

такие довольные и счастливые, что я их всегда замечаю, даже в дальнем конце двора моей пятиэтажки.

В один дождливый послеобеденный час еду я на своем стареньком фольксвагене по улице Бирутес, еду медленно, где-то 30 в час, замечаю, как по тротуару прямо передо мной вышагивает сосед-еврей с маленькой дочуркой на руках, а за ним, на велосипедную раму усадив его другого ребенка, едешь ты. Лицо твоё сияет, особенно глаза, насколько мне удалось разглядеть на ходу сквозь стекло машины. Такой совершенный отпечаток счастливого лица. Это меня больше всего и удивило. Может, твой велосипед за веревочку тянул высокий еврей. Конечно, лишь связь с другим человеком могла изменить язык твоего тела.

В тот раз в магазине Ики, сидя у кассы, ты очень откровенно спросил, – как мне удастся всегда выглядеть такой вдохновенной и счастливой, на самом ли деле я себя так чувствую или притворяюсь? Тогда твой вопрос мне показался очень странным, ведь у нас на счету было всего несколько встреч, к тому же и место для таких разговоров было публично до неприличия, да и ты сидишь в поту, стережешь рождественскую суету, ведь за малейшую ошибку можешь поплатиться месячным бюджетом своей семьи. Не помню, что я пролепетала, может, уверенно улыбнулась, но сейчас могу ответить.

Я, так же как и ты, потею кровью, выделениями неуверенности, пугаюсь как лошадь прохожих на улице, прячусь как бы от солнца за темными стеклами очков. Хочу видеть, но оставаться невидимой.

И все-таки живу рядом с огромным перекрестком. Уж я такая как есть, встречное ты мое пугало полевое.

Ты почаще разъезжай, ведомый той невидимой нитью, выходящей из-под полы пиджака моего соседа еврея, вози его детей, и не заметишь, как начнешь улыбаться в Ики и Акрополе, на вокзале и в парке, в театре и на пляже.

Возможно, и тебя кто-нибудь, например, жена, спросит, – слушай, что за дурацкая улыбка, небось притворяешься счастливым?

А ведь с ответом иногда бывает трудно. Вроде и не притворяешься, а счастлив.

¹ Персонаж рассказа Жямайты «Сноха», ставший нарицательным.

Селедка – Зембрицкий²

*Из дневника парка скульптуры Клайпеды
18 августа 2008 г.*

Ночью приперся я в парк. От компании откололся до полудня. Хотел сам по себе прилечь у базара, – облегчить кошельки тех говнюков с приличными лицами, только ни сердца, ни кошельки не раскрылись. Погода подвела. Светило солнце и никто не хотел разглядеть мой прозрачный желудок из-под кожаной жилетки, единственной дедом оставленной вещи, которую можно носить даже в такую жару как сегодня.

Гоша с Николаем где-то шлялись, Лолиты тоже не видать. Обещала притащить пива к «Уничтожь зло»³. Посидел я, прошелся по своим карманам. У дерева и прикорнул. Приснилась мне селедка.

Хожу по парку скульптуры, а на каждой скульптуре висит по большой селедке. Луна светит сквозь ветви деревьев, от нее повсюду тени престраннейших зверей. Селедки ворочают глазами величиной с тарелку. Хожу по парку и палкой бью селедок по бокам. Из селедочьего нутра раздается музыка, как будто кто на органе играет прямо мне в голову. Некоторые селедки закрывают глаза, как только дотрагиваюсь до них палкой, звук становится громче, в селедочьей утробе вспыхивает свет. Иду по длинным дорожкам. Вон дорожка еврея Давида⁴. Заросшая так же, как борода моего деда после Первой мировой войны.

Хожу по парку при свете селедочьих тел, висящих вниз головами, как будто приготовились они к полету в недра земли. Тут, неподалеку от центра, на деревянном кресте висит одноглазая рыбина и глядит на мои босые ноги. Я где-то оставил ботинки.

– Что смотришь? Не видала человеческих ног?

– Я и сама человек, – говорит мне селедка. – Зовут меня Йоган. Йоган Зембрицкий.

2 Йоган Зембрицкий (1856.01.10 – 1919.03.08) – историк, издавший три научных труда о Клайпеде и её окрестностях; работал провизором в Зеленой аптеке, похоронен на старом кладбище Клайпеды, где сейчас и расположен парк скульптуры. Точное место захоронения неизвестно.

3 Скульптура Кястутиса Мустейкиса «Уничтожь зло» в парке скульптуры Клайпеды, изваяна в 1988 г.

4 Скульптура Давида Зунделовича «Тропа», созданная в 1978 г. и находящаяся в парке скульптуры.

– Так что ты тут висишь на чужой улице? Лолита когда-то жила на улице Зембрицкого. Маленькая такая коротенькая улочка в самом центре Клайпеды. Там бы тебе понравилось висеть вниз головой у какого-нибудь купца под потолком, смотреть в хрустальное блюдо с маслом и луком, – у меня самого аж слюнки потекли.

– Я ищу в этом литовском захолустье свое собственное тело. Похоронили меня здесь в девятнадцатом году. Ранней весной, 8 марта. Позже, неподалеку закопали и твоего деда Тадаса. Он меня и задержал в четырнадцатом, когда я прогуливался по городскому кладбищу и в свою кожаную записную книжку вносил наиболее интересные надгробные надписи. Подошли, говорят, небось шпионом будешь, схватили меня за шиворот и потащили в темную. Сильные руки были у твоего деда. Как сейчас чувствую пальцы на воротнике кашемирового пальто. Черное пальто за приличную сумму таллеров выхлопотал я у одного купца англичанина еще в самом начале зимы.

Я повнимательней взгляделся в селедочью шею и попробовал представить, как бы выглядел кашемировый воротник на таком месте как селедочья шея. Ведь за нее и хватаюсь, когда потрошу селедку, пристроившись на памятнике другого еврея, какого-то Винера⁵.

Когда в девятнадцатом привезли меня закапывать, – продолжала селедка-Зембрицкий, – земля, казалось, промерзла до самого дна. Долго долбили лопатами и кирками. Уж и вечер приближался, люди толклись у железных оград, опираясь чихали в вязанные варежки, моя Луци нервничала, уткнувшись носом в мокрый от слез платок. Я лежал спокойный. Ведь историю города, этого забытого захолустья, я изложил в нескольких томах, архив города тоже успел привести в порядок, а что осталось на съедение мышам – пусть лежит. Чувствовал я, что устал и счастливо скончался. Я и сам себе поднадоел – в последнее время был терзаем постоянными болями, раздражен. На лице у милой Луци⁶ появились новые морщины – приметы моей болезни.

5 Юлий Людвиг Винер (1795 – 1862) – купец еврейского происхождения, проживавший в Клайпеде и оставивший городу большую сумму денег для нищих, на строительство школы, приюта для вдов, дороги в Тауралаукис и др. Похоронен на старом кладбище Клайпеды, где сейчас расположен парк скульптуры. В 2002 г. восстановлен памятник на месте его прежнего захоронения в теперешнем парке.

6 Луци – вторая жена Й. Зембрицкого, после смерти мужа передала городу большую библиотеку, собранную историком.

Теперь вот вишу вниз головой, ищу, не нахожу себе места. Твоего деда Тадаса расспрашивал. Молчит, говорит, зол на всех аптекарей. Дело в том, что я как раз работал в Зеленой аптеке, когда у него болел желудок. Каждую неделю он приходил покупать капли от изжоги, лечебные травы – ничто не помогло. Попивал он самогон из Жямайтии привезенный. Какой же толк от травок, попадающих в беспрерывно дезинфицируемую почву? Пустая трата денег. Вот я и не скрывал своего мнения об особенностях лечения. Он матерился, хлопал дверью, но через несколько недель опять заявлялся разузнать, не изобрела ли медицина чего нового от желудочных болей.

Меня, как и деда Тадаса, прихватил жуть какой сильный приступ боли в желудке, я собрался с силами и как какой-нибудь олимпиец замахнулся, да стукнул палкой висящей селедке по голове. Она качнулась, и нутро ее вспыхнуло, появились дороги и ложные пути, ведущие вглубь густой пущи.

Пойти что ли на поиски места, где покоится человек из прошлого моего деда Тадаса, Йоган Зембрицкий? Знаю только улицу под его именем, а что в жизни моего деда он мешался как у собаки пятая нога, мне вообще до фени.

Глядь я на свои ноги, а на них лишь носки, дырявые с прошлого года.

Лолита, Лолита с улицы Зембрицкого, куда ж ты подевалась? Как же пойду я в густую чашу без тебя и без ботинок? Больше не буду бить селедок по головам, не стану будить висящих здесь мертвецов. Пусть покоится дед Тадас, хоть и подкинул мне тот еще подарок – желудочную боль неутолимую. Да ну, с ними, с ботинками, только бы самогончику кто налил. А селедки больше в рот не возьму, лучше с голоду подохну. Пускай висит.

Потер я заспанные глаза, обнял каменную колонну и завыл в глубине души на луну, бокком зависшую у меня перед носом.

Перевела с литовского Юлия Баранова

Евгений ПАЩЕНКО

РЫБНЫЙ день

Предлагаемый читателям текст – отрывок из новой повести нашего семинариста Евгения Пащенко. В прошлом году он дебютировал в журнале «Балтика» с изумительной, полной юмора, повестью про кота, от которого

никак не мог избавиться хозяин. В новой повести гротеск еще более заполняет страницы. Прилет НЛО, взрыв при его посадке, поиски инопланетянина в деревне Гнидовка порождают самые странные ситуации.

На берегу реки Веревки с раннего утра творилось что-то невероятное. Все народонаселение совхоза "Последний путь" от мала до велика, превратились в старателей и целенаправленно прочесывали берег и косогор. Замечательный, солнечный день приготовил людям щедрый подарок и пару невероятных сюрпризов. Значительный участок берега реки напротив утеса был сплошь покрыт речным илом, песком и водорослями. Густая шелковистая трава, еще вчера ковром покрывающая косогор, теперь больше напоминала кочки на болоте, из которых местами жалко и нелепо торчали головки ромашек и васильков. Но, далеко ни это привлекало внимание людей. Вместо аромата полевых цветов и сочных трав воздух наполнился запахом свежей рыбы. Крупная, средняя и совсем мелкая она неведомой силой была разбросана повсюду. Воображение невольно складывало причудливую сюжетную мозаику на грани сюрреализма и рисовало в мозгу самые невероятные, почти детские картинки. Предаваясь фантазиям, можно было бы, например, представить, что под покровом ночи кто-то великий и могущественный, куражась, или желая удивить, поменял ненадолго, плывущие в небе облака и реку Веревку местами. От чего обитающая в реке живность, растительность и прочее разом посыпались вниз как град.

За косогором, ближе к селу, где речная вода не полностью впиталась в землю и стояла выше щиколотки, взрослые мужики и па-

цаны гонялись за живой еще рыбой, которая плескалась и выворачивалась среди густой травы. Выражение лиц у них было одинаковым. Азарт, эйфория и всеобщее возбуждение от невиданного зрелища поглотило все внимание и мысли людей. Одни орудовали на мелководье сачками, размашисто загребая ими по сторонам, другие вооружились вилами и острогами и тыкали беспорядочно вокруг себя, периодически нанизывая на острие обреченную добычу. А кто-то просто пытался схватить скользкое рыбье тело голыми руками или расправленной курткой, кидаясь плашмя в мутную жижу под ногами. Кругом слышались удивленные, восторженные выкрики и смех. Конечно же, не обошлось и без казусов. Так, один мужик второпях и суете случайно ткнул себя вилами в ногу, пробив резиновый сапог, повредил ее до крови, потом долго и громко матерился, но процесс дальнейшей добычи все-таки не прекратил. Парень, лет двадцати с хвостиком, вступил в схватку с крупной щукой и поплатился за свою дерзость. Матерая хищница, вцепилась в его ладонь как бешеная собака. Свирепая рыба из последних сил сомкнула зубастую пасть и престоавилась. Щуке отрезали голову. И только тогда удалось высвободить прокушенную во многих местах, окровавленную руку.

Мешками и ведрами, на спине и волоком, кто как мог и на чем только мог, тащил "гнидовский" люд по домам ниспосланную случайную добычу, чтобы с пустыми руками и алчу-

щим взглядом вернуться к реке снова и снова.

Когда случаются вместе, практически одновременно несколько значимых событий, человеческая сущность обращает большее внимание прежде на то, из которого можно извлечь хоть мало-мальскую пользу, а потом уж на все остальное. По этой самой причине, временно в стороне от всеобщего внимания остались события на самом деле куда более интересные. Невозможно было не заметить, что с великаном утесом произошли чудесные изменения. Утес треснул пополам, как вызревший арбуз, в который воткнули нож, а из извилистой трещины сильно сочилась вода. Ближе к вершине, где трещина расходилась краями сильнее, вода вырывалась мощным узким потоком и низвергалась вниз. С шумом обрушиваясь на берег и часть поверхности реки, водопад (а это действие имело полное право именоваться водопадом) разбивался о камни в пыль. Миллиарды водяных пылинок зависали туманом на значительной высоте. Периодически, порыв ветра рассеивал туманный занавес по сторонам. И тогда, в каждую мельчайшую капельку врывался солнечный свет, разбивался внутри, разлетался на цветные осколки, и над речной гладью ненадолго появлялась радуга.

Разумеется, что это не осталось незамеченным. Конечно же картина потрясала и удивляла но... Эка невидаль! На утес с вновь явленным водопадом можно было и потом полюбоваться. Куда они денутся? А рыба, она ведь ждать не будет, испортится.

К вечеру того же дня весь рыбный дух с окрестностей реки переместился в деревню.

Не было, пожалуй, в Гнидовке такого двора, где бы не солили, не коптили, не жарили рыбу. Безудержно радуясь поначалу халявной добыче, народ впоследствии уже не знал, что с ней

делать и куда девать. Под засолку не хватало емкостей. Еще днем из сельповского магазина в мгновение ока исчезла вся соль и специи. Работы хозяйкам было невпроворот. В этот день, вечер и последующую ночь из рыбы не пекли, пожалуй, только хлеб, все остальные способы и рецепты задействовались в полном объеме. Вполне естественно, что изобилие употребляемой дармовой снеди сопровождалось столь же обильными возлияниями. В отдельно взятой деревне стихийно возник общенародный праздник, который продолжался до вторых петухов.

Большинство сельских мужиков шаталось по деревне от дома к дому по одиночке и компанией. Разгоряченные и сытые до неприличия человеческие массы беспорядочно перетекали из одного края Гнидовки к другому. В местах их неожиданного пересечения или, говоря точнее, слияния, возникали новые всплески радостного общения, иногда чередующиеся с мордобоем. Пьяные и счастливые оттого, что вот так все замечательно получилось, они готовы были поделиться радостью чуть ли не с целой вселенной. Маленькая, изолированная от внешнего мира акватория Гнидовки не давала такой возможности, поэтому радоваться приходилось за весь мир.

Сочных, румяных кусков с корочкой, нежнейших котлет, котелков и кастрюль с крепкой, ароматной ухой, всего этого было не просто вдоволь, пожалуй, даже чересчур много.

”Рыбный день” 11 июля, обещал запомниться навсегда и гнидовским котам, которые обожрались до заворота кишок рыбными потрохами, головами и хвостами. Не слышно было и заунывной вечерней собачьей ”переклички”. Местные ”полканы” так натрескались хребтов и требухи, что почти все страдали несварением.

Эдита ЯОНИТЕ

Я здесь и сейчас

Теперь даже книги
С двумя обложками
Словно снегири выкладывают
Порывы мелодии
На крошках земли.

Ожидание обнимает руки
В тяжелые минуты в стекло вставляет
Цветки сирени, берет дань
И ждет освещения фонарей.

Крыльями вееров принаряживаюсь,
Еще и еще раз, любопытно
Состоятся ли из них ледники.

В ладонях еще много литер,
Так мостам придется хранить
Ворота в безвоздушную
Глубину души.

Драматические произведения
Превращаются в блуждания,
Забывающие часы.

Пробудись из трещины, проулка,
Аллеями без сирени
Молитвой улыбнись
Безразлично где и почему.

Хитрый Ты
Перевязкой ночи наряженный
Ступаешь по песку босиком,
А может, плохо вижу я?

Мой милый, мгновение
Сменяется утренней ванилью,
На старой скамье
Письмами из души,
Когда словам Твоим диета.

Александр ВАЛАУСКАС

Странник

Я никуда не спешу. Всё внимание на дорогу. Хотя скорость не очень велика, но всё-таки опыта в вождении ещё совсем мало. Вообще почти нет. Даже без почти. И вдруг моё внимание привлекло что-то совсем необычное. У кромки шоссе одинокая фигура. Бешеный очумелый взгляд. Даже какой-то дикий. Но что взгляд – парень-то вовсе голый! В чём мать родила. Прикрывает окоченевшими пальцами трясущиеся рёбра.

Всё понятно. Обобрали до нитки. В прямом смысле. Мало им деньги брать, так они теперь ещё и барахло захватывают. Вот, скряги! Нелюди. Хорошо ещё, не отпинали. Когда меня в последний раз обирали, так взяли только кошелек иностранный, фирменный, подарочный с двумя зелененькими, да плеер. В хорошем состоянии. Кассету жалко – Мэрилин Мэнсон, как-никак. Ну ладно. Всегда это было и всегда будет. И сейчас есть – вон, мёрзнет. Не мы первые, не они последние. Никуда от этого не денешься. Просто умнее надо быть. Этот бедолага теперь надолго умнее станет. Такой же, наверно, сейчас несчастный, как я тогда. Помочь неразумному? А мне никто не помогал. А начинать с чего-то надо? Каждый раз, когда такое вижу, либо неестественно улыбаюсь в сомнении, либо хмурюсь, запихиваю голову подальше в плечи и стараюсь ни на кого не глядеть. В зависимости от обстановки. А теперь ведь этот задрыгший доходяга совсем один. Я нажал на тормоза, и висевший у меня на хвосте лихач чуть не въехал мне в «жопу».

Сдавать задом пришлось прилично, но всё же, несмотря на многочисленные многоголосые гудки и сигналы, подъехал. Стоит, дрожит, плясает своим неотразимым испепеляюще-удивлённым взглядом. И ни с места! Машу рукой, показываю, запрыгивай. Поморгал, и опять стоит! Ничем не прикрывает своё хо-

зяйство. Ну, очумел совсем. Выхожу, обхожу машину, открываю дверь, велю залезать. Зырит совсем уж недоверчиво. Боится. Подхожу, беру за ледяные плечи, по возможности нежно и деликатно направляю в сторону машины. Никакого сопротивления. Усаживаю. Сам возвращаюсь на водительское место. Вроде немного успокоился, но всё равно ещё нервничает. Изредка вздрагивает. Ещё бы! Я, помнится, только на третьи сутки отошёл.

- Ну что, несчастный, влип?

Молчит.

- Как же это тебя угораздило?

Молчит. Смотрит.

- Куда ехать-то?

Молчит. Изучает.

- Не хочешь говорить?

Нет, не хочет.

- Ничего, когда со мной такое случилось, я тоже не хотел говорить.

Соврал. Ещё как мне хотелось говорить! Хотелось высказаться, хотелось разрыдаться, хотелось, чтобы обняли, приласкали, пожалели... Но кто это сделает? Пришлось похоронить. Себя в себе. Не зная, что ещё сказать, я тронул агрегат.

- Шурик, – разорвал-таки я затянувшееся молчание и протянул ему руку. Было нечто очень странное в нём. Может быть это только потому, что он сидел совсем голый? Он с каким-то изучением, что ли, посмотрел на мою протянутую руку, потом, с таким же изучением, посмотрел мне в лицо, словно бы спрашивая. Тогда я постарался быть более понятным. – Меня зовут Шурик. А тебя как?

Совсем свихнулся. То ли его, всё-таки, отпинали, то ли застудился. Больше ничего придумать по этому поводу не могу. Разве что, он – инопланетянин. Но это так, частности. Чтобы сгладить конфузное положение с неудав-

шимся рукопожатием, я переключил скорость и усталился на дорогу.

- Я... я не помню... – вдруг промолвил он деревянным голосом.

- Чего не помнишь – как тебя зовут?

- Да, я не помню, к-как меня зовут...

- Во, дела... Ну а хоть, где живёшь?

- Не помню...

- Ну ты даёшь!.. А вообще хоть что-нибудь помнишь?

- Помню: темно, трудно дышать, лежу, руки упираются в натянутую материю, давлую изо всех сил, она рвётся, сильный яркий свет, оказалось – я в лесу, иду на шум, выхожу на шоссе, потом встретил тебя...

Говорить ему было трудно, особенно поначалу, как будто у него дефект речи, как будто заново учится говорить.

- И это всё?!

- Да, всё.

- А детство, юность?... Помнишь?

- Нет.

- Так!

Ну, вот. Ждал я чего-нибудь подобного, ждал, и вот вам здрасьте. Свалились на мою голову. Куда же тебя отвезти? Можно бы, конечно, домой, но родители... Помочь охота, прямо сердце рвётся, да и интересный индивидуум попался. Неординарный. Оба! Менты!!! Как же я про них забыл?! Нет, пожалуйста, не надо, не тормози меня, умоляю, нет, только не сейчас, нет... Чёрт! Ёп... Вот!.. Ругаюсь страшными словами! Ну почему сейчас?!

- Так! Спокойно! Ты, пожалуйста, молчи, я сам нервничаю...

Подошёл ГиБэДэДэшник, пробурчал что-то себе под нос, из чего я понял только: «...Ваши документы». А я уже ворошил вдоль и поперёк портфель в поисках паспорта, где внутри должны были быть вложены права и доверенность. Но паспорта там не оказалось. Паника. Страх. Между ног заиграло, зашипало и похолодело. Я вспомнил, что взял с собой только документ на машину. Вытащил его и протянул дрожащей рукой. Заиграло ещё сильнее. Как быть с правами и доверенностью?.. Которые остались в паспорте?.. Так я ж его ещё с прошлого раза в бардачке оставил! Вот он, миленький!

- В-вот, – проблеял я дрожащим голосом. –

Права и дэ-э-доверенность. То есть, доверенность там, в конце, разрешите... – Я протянул в окошко руку, взял паспорт, вынул из-под обложки права с доверенностью и опять протянул уже начавшему не доверять офицеру. Тот взял документы, но всё ещё смотрел на меня явно изучающе-интересующимся глазом. Да что они, сговорились, что ли?!

- Первый раз останавливают, – начал я оправдываться. – Нервничаю. Немного. Только пол года как права получил...

Мент ещё попялился на меня немного, потом скользнул взглядом по голому телу несчастного и, с выражением на лице «Ладно, не моё дело», уткнулся в документы. Сам-то ещё, от горшка два вершка. Небось, академию только вчера окончил... Молоденький, долго изучает. Правильно, всё равно ничего интересного не найдёшь! Вот, скотина, в паспорт ещё полез!!! Это же не твоя обязанность! Нравится, что ли, людей мучить?! Наконец-то! протягивает стопку документов, и, не удержавшись, впивается-таки в моего попутчика, всё ещё подрагивающего с мороза. И меня вдруг осенило!

- А-э-э... товарищ м-милиционер, вот, тут, молодой человек... в общем, я думал, обокрали его или ещё чего; п-подсадил, помочь чтобы, а он, оказывается, ничего не помнит, ни как зовут, ни где живёт... Так, голый, у дороги и стоял... Может, поможете чем, а?

Мент ещё немного смотрел на бедолагу, но потом всё же соизволил ответить:

- Сейчас, подождите немного...

И ушёл.

- Ну вот, сейчас всё и наладится. Они тебя куда-нибудь пристроят... А если нет, я тебя к себе домой отвезу. Но ты не переживай, всё обойдётся... Главное не нервничать! – В этот момент он посмотрел на меня уже совсем оттаявшим, даже дружеским взглядом. – То есть, это мне надо не нервничать. Как ты думаешь, что будет, если сейчас газануть с места?

Но было уже поздно. Давешний мент возвращался с какой-то охапкой. Шустёр, однако! Он открыл дверь переднего пассажирского места и каким-то холодным голосом в своей ментовской манере заявил:

- Попрошу выйти и следовать за мной.

Обнажённый незнакомец словно бы узнал своего человека, но всё таким же изучающим

взглядом обшаривая форму, выкарабкался из машины. Служивый почтительным жестом накинул на худые плечи парнишки вдруг оказавшийся в его руках вместо охапки казённый плед. А тот сделал каменную морду, как будто это всё так и надо, словно это было запланировано и всем уже давно известно. Словно по ролям. Я, разумеется, тоже выскочил. Мент заметил мои рыпания и вступился за парня, защищая его своей широкоплечей спиной:

- Э-э... это я не вам... Вы можете быть свободны... Мы вам благодарны за помощь...

Ребёнок! Ну суший младенец! Выглядывал с интересом из-за своего укрытия. Вот те на! Никакой бодяги, никакой бюрократической волокиты... Всего-то делов: попрошу выйти и следовать!.. Ну, дают, ребята.

- А, могу я хотя бы узнать дальнейшую судьбу моего... протеже?

- Да, конечно. Сейчас сюда едет машина скорой помощи, его обследуют, а дальше...

- Что?

Но машина скорой помощи уже подъехала. Ну прям как во сне, ей-богу! Обследовать его, оказывается, будет главный психиатр города. А почему, интересно, именно психиатр? А потому, что, видите ли, специальной ведомости по ведению подобных дел в стране не существует, и «непомнящих» спихивают в психушку, где они, правда, долго не задерживаются, но с другой стороны, это даже и хорошо, поскольку изучать подобных индивидов стремятся именно психиатры, исследующие психику. Я рассказал ему свои героические маневры по спасению, а он, в свою очередь, рассказал, как можно навесить спасённого, а так же когда и где побеседовать с ним самим, в смысле – с доктором.

Встреча наша состоялась на следующий день. Доктор сидел за своим гигантским столом и строчил что-то с машинописной скоростью. Завидев меня, он сразу отложил бумаги и повелительным голосом пригласил садиться. Кожаное кресло! Для посетителей!!! Ну ладно, где наша не пропадала!

Ему, оказывается, необходимо моё мнение о прошедшем!!! Во, даёт... Профессоришко! Вот..., блин! Слов нет. Это что, допрос, что ли?! Тридцать седьмой год на дворе, что ли?! Лет-то мне сколько? Или он намеревается и меня под свой микроскоп запихнуть? Но ничего этого, я, разумеется, не сказал, а прозрачно осведомился, что конкретно его интересует.

- Мы некоторое время следили за вами. Мы – это имеется ввиду: я и мой помощник, - произнес он, - нас – на самом деле очень много. Вы нас не видите, кроме отдельных особей, зато вы у нас как на ладони. Мы можем сделать с вами всё, что захотим. За пару дней мы можем сварганить на планете одно дружное государство с любым политическим режимом, каким только пожелаешь. И об этом не узнает, и не догадается никто, даже самые приближённые ко двору... Чтобы было более понятно – ситуация аналогична той, что описана в «Парне из преисподней»... Но мы этого не делаем, мы не ввязываемся, не мешаем и изо всех сил стараемся не помогать, а лишь наблюдаем. Ну, разумеется, это не касается некоторых особенных личностей...

- Таких, как я?

- И не только.

Так вот, значит, что! Значит, Странники, Прогрессоры... всё это существует по-настоящему?.. Значит, тот голый парень посреди шоссе...

- Совершенно верно, – доктор поддакнул мне и отвёл затуманившиеся глаза в сторону. Оказывается, я всё это произнёс вслух. Или он читает мысли?

- Значит, вот почему всё так быстро обернулось, там, возле гаишников. Просто вы его уже ждали...

- Да, мы его ждали. Ох, как мы его ждали...

- А где же он теперь, тот, которого я якобы спас?

- Он опоздал и вина его безмерна. Он застрелился. За пять минут до того, как ты вошёл.

Мнимый доктор достал свои бумаги и снова принялся писать.

Раса ЮСЁНИТЕ

* * *

Дай. Сегодня не отнимай.
Немыты окна моих замков,
Разрушены крыши.
Новый день.
В перезвоне весенних колоколов –
Мои песни,
Краденые стихи.
Перепутала зимы,
Перепутала весны.
Завтра – зима, сегодня – осень.
Послезавтра – Рождество.
Подари.
Подари мне новый день.
Водами лунных рек
Выбежала в солнечные овраги.
Перепутала, чтобы никогда не вернуться.

* * *

Стой, беги, оставь.
В медных санях
Дороги рассыпались,
В приморском ветру,
В моей литовской земле.
Маленькая девочка.
Я сегодня черна.
Мой день скорби –
Моя лунная река.
Мой излишек,
Мое время.
Нарисую.
Нарисую себя,
Чтобы замерло время,
Чтобы навеки, чтобы навеки осталась юной –
Лунная река.

Вино

Я – друг:
Веду стопами черного кота.
Я красное –

Из себя.
Для маленьких я – невкусно,
Но лишь покуда не привыкнут.
Я могу все –
Лишь до утра.
Я не могу ничего –
Поскольку бутылки бьются.
Сегодня я всеильно –
Только закончилось...

* * *

Закрытыми дверями
Я ухожу к Тебе.
Закрытыми дверями,
Где тихо льет дождь.
И с последними каплями,
И с последним дождем,
В синее, в мое синее море,
Добавляет баллы –
Баллы мне.
Они уходят сами.
Оставляют дома.
Опустошают бутылки...
(Снимают ботинки)
И засыпают.
Для меня...
...Единственно для меня!
Карандашами, желтый цвет.
Кнопками – тишина.
И моя. Твоя.

Перевел с литовского Clandestinus

Оксана ЧЕРНОБРИВАЯ

Человек из другой системы координат

Жил на свете человек из другой системы координат. С виду он ничем не отличался от окружающих. Он прилежно учился, был послушным ребёнком, отличные отметки липли к страницам его дневника. Начав какое-то дело, он не бросал его до тех пор, пока не достигал в нём абсолютного успеха.

Первой серьёзной победой была девочка, самая красивая из всей школы. После того, как он добился её, победы посыпались одна за другой. Золотая медаль любовно повисла у него на шее, врата лучшего в городе института распахнулись перед ним ещё до того, как он в них постучался. Ему завидовали, его любили, на него возлагали надежды. Он вообще вызывал в людях сильные чувства.

Когда его сокурсники окончили институт, человек из другой системы координат к тому времени уже получил первое повышение в должности и застолбил себе место, до которого какой-нибудь средних способностей служащей может и за всю жизнь не дорасти. Многие им восторгались, ставили в пример, заискивали, набивались в друзья. А он между тем продолжал наворачивать на себя всё новые слои всеобщего одобрения.

Регалии наслаивались одна на другую, а окружающие подпоясывали их жгутами зависти и лентами лести. Похвалы от начальства, лицемерие мнимых друзей и признания влюбленных женщин плотно наслаивались друг на друга, и скоро образовали вокруг него плотный непроницаемый кокон, который наглухо скрыл внутри самого человека.

Там было тепло и спокойно, кокон надежно уберегал от опасности и воспринимался как часть тела, без которой человек будет чувствовать себя инвалидом.

Веретено кокона стремительно распухало, но вскоре обнаружился один не очень приятный момент: кокон мог вырасти лишь до опре-

делённого предела, после которого он больше не увеличивался. Новые слои вдавливались друг в друга, как пластилин, стенки уплотнялись и постепенно начинали расти вовнутрь.

Когда человек из другой системы координат это понял, пространство в коконе уже сильно уменьшилось, и скоро человеку в нём стало тесно. Обеспокоенный происходящим он впервые за долгие годы высунулся из своего кокона и посмотрел по сторонам, но людей не увидел, кругом были такие же коконы.

Упираясь в стенки и чувствуя, как они сжимаются вокруг него, человек из другой системы координат заматался, взывая о помощи. Он стучался во многие коконы, пытаясь хоть кого-нибудь вызвать наружу, но ему никто не отвечал. Единственным, кто откликнулся и высунул голову, был его школьный приятель.

- Что же мне делать? – сокрушался человек из другой системы координат. - Если так будет продолжаться и дальше, я скоро задохнусь и меня не станет!

- Да ты не бойся, - успокаивал приятель. - Ничего в этом страшного нет, здесь половина и так уже задохнулась. Во многих коконах давно нет людей, и никто этого до сих пор не заметил. Так что лучше даже не сопротивляйся, так уж этот мир устроен. Расслабься, получай удовольствие... - посоветовал друг и деловито спрятался обратно в свой кокон.

Но человек из другой системы координат не мог получать удовольствие, ему было страшно, он паниковал и задыхался. Он не хотел умирать, но разве возможно было тягаться с непробиваемым кокonom, который он успел на себя наvertеть? А ведь он не замечал, как с годами сам становился тщедушным и слабым, в то время как его кокон приобретал свою тяжеловесную мощь. И теперь человеку ничего не оставалось, как свернуться калачиком и покорно ждать, когда кокон его удавит.

- Я не хочу! Не хочу! Не хочу умирать! – звенело в его голове. На самом деле смерти он не боялся, просто ему безумно хотелось жить. Особенно теперь, когда упругие стенки сдавили ему бока, живот, грудную клетку, и дышать стало трудно...

Человек из другой системы координат уже приготовился к смерти, но в этот самый миг, когда всё должно бы закончиться, он вдруг вспомнил, кто он на самом деле.

Он замер. Открыл глаза. Выдохнул. И рас- смеялся.

Потом разогнулся. Расправил плечи. Вышел

из кокона и ушёл в другую систему координат, из которой потом ещё какое-то время наблюдал за происходящим и от души смеялся, но вскоре потерял к этому интерес и занялся другими делами.

Кокон при этом совершенно не пострадал, даже напротив.

Он продолжал жить, успел обрасти не одним десятком наград и званий, и среди других коконов добился совершенно немыслимых успехов.

Но человеку из другой системы координат всё это было уже не интересно.

Анатолий БАХТИН

ПАРАЛЛЕЛИ

3-я мировая война

Пять дней из жизни друзей и знакомых во время 3-й мировой (окончание)

Огневые средства, выделенные для стрельбы по воздушным целям, ведут огонь в порядке установленным командиром, или самостоятельно.

День пятый

7.47 по московскому времени

Утром на заборе диким голосом закричал петух.

Старшина, приподняв от ящика голову, пообещал изготовить из этой скотины бульон.

Петух слетел с забора и понёсся за неизвестно откуда взявшейся курицей. Глядя им вслед, старшина предположил, что где-то должны быть и яйца:

- Может, к завтраку яичницу приготовить?

Оторвавшись от сарая, в сторону лопухов двинулся с травмированным алкоголем лицом Эдд в накинутах на плечи шинели и в сапогах на босу ногу.

За завтраком командир роты неожиданно объявил:

- Мужики, наш спецбатальон скоро вольют в какой-то отдельный батальон, что стоит у Первомайского, а, может, тот батальон вольют в наш, пока точно неизвестно. Но, что я хочу сказать? Надо всем побриться.

Рота недовольно загудела.

- Что за рожи у вас? Бородищи отрасли, как у Пугачёва. Ну, прям, махновцы какие-то. Посмотрите на Солуянова! Как он с такой бородой в танк помещался? Да и патлы свои постригите. Если завтра не приведёте себя в порядок, я вас сегодня накажу, - добавил он.

Неожиданно рано из-за бугра выкатился обоз. Боря достаточно бодро держал в руках вожжи и покрикивал на лошадь. Телега быс-

тренько подкатилась к штабу. Народ радостно окружил обоз и в растерянности не обнаружил противотанковой жидкости.

- Ну что, сибариты и анахореты, - понесло Бору. - Закончилась ваша синекюра, пора и вивисекцией заняться, будем натовцев препарировать. Вспомним плюсквамперфектум¹ и без эксцитативных² напитков отправимся в наше inferнальное будущее. «Перед атакой водка – вот мур!» - запел Боб.

Над расположением роты с шумом пролетел турецкий самолёт.

Петрович чётко зафиксировал его положение и направление.

Ничего не поняв из заявления Бори, Эдик задушевно поковырял в носу и с надеждой спросил:

- А где спирт для протирки сапёрной лопатки?

Боря начал рассказывать подробности:

- ГСМ Ошника замели³, сейчас канает⁴ этапом на западный фронт. С птюхой у фраеров⁵ полный гоп-стоп⁶, кентоваться⁷ не с кем, одни ложкомойники⁸ на кильдиге⁹ остались. О подогреве фуфлыжники¹⁰ без понта¹¹ в отказ пошли.

Батальон специального назначения обреченно разбрелся в поисках тени.

Старшина отозвал в сторону сапёра и высказал ему всё, что он о нём думает:

1 давно прошедшее

2 возбуждающих

3 забрали

4 идти

5 недоразвитая личность мужского пола

6 грабёж

7 дружить

8 работник кухни

9 барак, где живёт картёжник

10 человек, не отдающий долг

11 интереса

- Не строй из себя дурака умнее меня. Всем трудно и, чтобы это пережить, надо стиснуть зубы в кулак.

Чтоб народ не впал в меланхолию, командир приказал зам по тылу выдать личному составу карабины и по десятку патронов. Зам по тылу, оторвавшись от письма жене, передоверил эту акцию старшине. Григуль раздал всем оружие и пообещал после обеда устроить стрельбы.

Подъехала полуторка. Из неё передали почту для зам по тылу и несколько пакетов в штаб. Вскоре в резиденцию вызвали Миру Иосифовну.

Храппа под окном ленкомнаты чистил свой автомат.

Зануда Палыч, присев рядом и от нечего делать, начал указывать на ошибки в его произведении:

- Во-первых, Павел с Иисусом лично знаком не был, во-вторых, был ли Христос лысым – не факт. В Вифлееме он родился, а жил в Назарете.

Храппа начал матерно ругаться, имея в виду: «Что хочу, то и пишу!»

Отстав от него, Палыч заглянул в окно и, увидев читающего письмо Малова, прицепился к нему:

- Какие новости из Кёнига?

Малов, оторвавшись от письма, с возмущением сказал:

- Эти английские сволочи опять центр города разбомбили¹².

- И куда они там попали? - поинтересовался Палыч.

- Жена пишет – на острове Канта много деревьев повалили, скульптуру Петра I с веслом вдребезги разнесли, попали в середину собора, и он пытался выгореть ещё раз. Хорошо, у него крыши нет. К сожалению, промахнулись по дому Советов и попали по месту, где стоял Кёнигсбергский замок. А воздушной волной на Ленинском проспекте сорвало партийный лозунг «Слава КПСС».

- А могила Канта цела?

- Цела.

- А как с жертвами?

- На острове контузило бомжа, который среди скульптур бутылки собирал.

- Налёт, наверняка, опять массированный

был, - вмешался Храппа. - Сколько их было?

- Жена пишет – три самолёта.

- Вот видите, - сказала курящая папиросы Шостак. - Партия правильно решила центр не застраивать, поэтому никто и не пострадал.

- А Кёнигсбергский замок почему ваша траханная партия разрушила? - возмутился Храппа.

- Это не ваше дело, - ответила Шостак. - Партия решила, а вы обязаны выполнять.

Заклокотавший Храппа выдал «по колено пены» с массой эпитетов, непосредственно касающихся КПСС, персонально членов её политбюро, кандидатов в члены, а заодно и всех их родственников. Матерился он как настоящий литератор, с фантазией и метафорами.

Услышавший страшные новости, Боря обеспокоено спросил:

- А как там Балтрайон?

- Над Балтрайоном только листовки разбросали.

- А немцев на Шпандине добились, наконец? - спросил Эдик. - А то они, говорят, с сорок пятого года там отступают. С пушкой к «берлинке¹³» прорываются¹⁴.

Саньч серьёзно заявил:

- Это пятая колонна в нашем глубоком тылу отсиживается, ждёт подходящего случая. Михална там живёт и может подтвердить, она их там всех в лицо знает.

У Эдда округлились глаза:

- Быть этого не может, - не поверил он, но на всякий случай пошёл в штаб уточнять.

11.23 по московскому времени.

Солнце поднялось к зениту и начало припекать. На небе ни облачка.

Народ разоблачился по пояс, выискивая тень.

Палыч удивлялся:

- Это надо же, пятый день в Крыму и не одного дождичка, как можно так жить?

- Это большевистские жлобы климат нам запоганили, - откликнулся Храппа. - То ядрёную боеголовку шарahnут, то собаку в космос зашлют.

12 В августе 1944 г английские бомбардировщики дважды нанесли удар по центру Кёнигсберга, превратив его в руины.

13 Довоенная дорога из Кёнигсберга в сторону Берлина.

14 Местный фольклор.

- Империалисты тоже к этому руку приложили, - стал спорить Палыч. - Они даже атолл Бикини с Тихим океаном сравнивали.

Из окна с чужой сигаретой высунулась Шостак и поддержала Палыча:

- Американцы и на свою союзницу Японию две атомных бомбы сбросили.

- Да это когда еще было! - не выдержал Петрович. - В 1945 году, а тогда Япония не была союзницей Америки.

- Ну и что, всё равно они все капиталисты, - парировал политотдел. - Угнетают рабочий класс.

- А я бы, - мечтательно сказал пехотинец, - с удовольствием эмигрировал бы в Южно-Африканскую Республику. Устроился бы там колонизатором и притеснял бы негров. Сидел бы под пальмой в шезлонге в белых шортах, на голове – пробковый шлем, на носу тёмные очки. Да хлопал бы на негров бичом из гиппопотамовой кожи. А в это время негр царапал бы плугом землю.

В разговор влез Боря:

- Помню, как-то, раз я был совершенно трезвый и шёл в неправильном направлении...

Подошедший старшина спросил:

- Пьяный был, что ли?

В это время из штаба выскочил ошарашенный Эдик и, сбиваясь от волнения, зашумел:

- На Шпандине полное предательство! Михална говорит – все отступающие немцы на третьем Шпандине женились на советских женщинах, и своих детей воспитали в анти-советском духе, а по ночам задумчиво поют песни «Дойчланд, дойчланд юбер аллес»!

- Это точно, - подтвердил Боря. - Советскому человеку из другого района, да хотя бы с улицы Киевской, вечером туда лучше не соваться. Морду набьют обязательно.

- Да у вас в Балтрайоне, кто бы ни появился, всё равно морду набьют! - сказал озлобленно сапёр, вспомнив случай из личной жизни.

Из блиндажа показалась Мира с зелёной папкой в руках. Подойдя к кучкующемуся батальону, доложила:

- Девочки и мальчики, хочу сообщить вам, как выражался городничий в знаменитой пьесе Гоголя: «пренеприятнейшее известие». Пришёл новый приказ по финансовой части.

Достав из папки бумагу, она зачитала:

Приказ Верховного главнокомандующего, под № 1313 в.

Управлению вещевого и денежного довольствия Советской Армии приказываю за текущий месяц и все последующие, пока ведутся боевые действия, денежное довольствие рядовых, сержантов, прапорщиков и младших офицеров до капитанов включительно на руки не выдавать. Все денежное довольствие должно быть перечислено на счета народно-патриотического фонда «Всё для фронта, всё для войны». Фонд собирает личные пожертвования как военнослужащих, так и граждан СССР в виде рублёвых вкладов, а также ценные вещи и иностранную валюту.

Ответственными за сбор средств в действующей армии являются политотделы и особые отделы. Ответственным за сбор пожертвований от граждан СССР является Комитет Государственной Безопасности.

Верховный главнокомандующий и Генеральный Секретарь Коммунистической Партии Советского Союза. Точка. Дата. Подпись неразборчива.

- Во, блин! - воскликнул батальонный художник. - Опять неясно, кто у нас генсек сегодня?

- А что это ещё за валюта такая иностранная? - спросил у Миры Эдик.

- Ну, это американские доллары, западно-германские марки, японские йены, - ответила Мира. - В приложении к приказу всё это перечислено.

- Интересно, зачем им японские йены? - поинтересовался танкист.

- Они на эти йены будут в США оружие покупать! - заорал Храппа. - Разве не ясно? Сами-то за месяц уже всё профукали... (и т. д.)!

- Аккуратней выражайся, - попросил Храппу Малов. - Здесь ведь женщины.

На крыльце появилось командование батальона с начальником штаба.

Серёга попросил личный состав построиться. Служивые неохотно столпились у крыльца на солнцепёке.

- Саныч, читай, - предложил командир.

Начальник штаба развернул листовку, по форме и цвету напоминающую портянку, покрутил её по часовой стрелке и против, нашёл начало, запнулся и сказал:

- Короче, Ген. Сек. и политбюро КэПэСе-Се по настоятельной просьбе народов СССР решили объявить эту войну «Великая Отечественная» № 3.

- Товарищ командир, можно вопрос? - спросил сапёр.

- Чего ещё не ясно? - недовольно пробурчал Серёга.

- А почему война объявляется «Великая Отечественная» № 3? Почему № 3?

- Потому, что № 1 уже, видимо, была, № 2, можно предположить, тоже... А сейчас № 3! Вот и всё, очень даже логично, - закончил командир.

- А вообще-то, кто тут у нас политработником пристроился? - уточнил командир и посмотрел на Шостак.

Маринка сходу отмела все претензии в свой адрес:

- Во-первых, я временно откомандирована в ваш идиотский батальон. Во-вторых, я отвечаю только за наглядную агитацию. В третьих, я никаких разъяснений по линии Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота не получала по поводу вашей дебильной войны № 3. Можете воевать хоть № 4, или № 5, меня это не касается. Придёт распоряжение от генерала армии А.А Епишева, тогда я вам всё скажу, что думает политическое управление по этому поводу.

Народ, обалдевший от приказов, посылавшихся с утра, расселся на ящиках, пытаясь осмыслить полученную информацию.

- Тихо мирно жили, - начал Палыч. - Ни о чём хорошем не думали, и вот тебе раз – бриться, стричься, а где всё это взять – бритву, ножницы?

- Опять-таки, - грустно сказал Старцев. - Полное отсутствие надежд на получение противотанковой жидкости.

- Если я правильно понял Борю, - задумчиво произнёс Петрович, - то Ошника с его Горюче Смазочными Материалами отправили на западный фронт, и в этом месте нам уже ничего не светит.

- А кофе на какие шиши теперь купишь? - расстроился пехотинец.

- Только трофейный остаётся, - пожалел Палыча Любкин и посоветовал: - Просись на

турецкий фронт. Кофе по-турецки – отличная вещь.

- Кофе полно в Германии, я сам видел, - сказал Солуянов. - Через Люнебург ехали, его на улицах полно валялось, и молотый, и в зёрнах. Наш народ всё больше по шнапсу вдарял, ну иногда вином баловались. Но там только «сухач», креплённых не попадалось.

- А в Швеции отличная водка, - выступил Храппа. - И пиво всегда свежее. Что в бутылках, что в банках...

- Как это? - удивился Эдд. - Прямо так, в трехлитровых банках и продают?

- Да не в трехлитровых, колхозник, - пренебрежительно ответил Храппа. - В металлических! Банки из тонкого алюминия, сверху такой рычажок, щёлк и банка открыта. Пей – на здоровье!

- Ну, дают, - завистливо потянул сапёр. - Капиталисты...

- Да там больше социализма, чем в нашей стране развитого социализма. Вам Хрущёв обещал в восьмидесятом году коммунизм построить? А результат? Пьёте «Агдам», «оболтус», водка - «демидроловка», отвратнейшего качества, а на закуску рукав-«мануфактура».

- Ну, не погибай, - перебил его Палыч. - По четвергам в столовой у МДМ¹⁵ на обед котлеты дают, и там мяса хоть немного, но точно есть. Правда, надо вовремя прийти, а то через полчаса один хек остаётся. Я даже как-то раз в ЦГ¹⁶ кусок варёной колбасы купил, и очередь была небольшой. А когда работал грузчиком в башне Врангеля на ВОЕНТОРГовском складе, мог по благу и «Посольскую водку» купить. Она там для генералов и адмиралов предназначалась. Правда, кофе уже три раза подорожал. И сигареты тоже...

- А у нас в Балтрайоне самогон хорошего качества. По рублю бутылка, - влез в разговор Боря.

- Ну, самогон и в Балтийске неплохой, - сказал Филиппов.

Григуль поддержал его:

- У нас на Песочной – самый лучший в Балтийске, очищают марганцовкой.

Самогонную тему поддержали все. Появи-

¹⁵ Межрейсовый дом моряков

¹⁶ Центральный гастроном на площади Победы

лось большое количество рецептов очистки.

Сапёр стал рассказывать, как в Москве у родственников пил самогон совсем без запаха.

- Ну, в Москве вся интеллигенция только самогон и пьёт, - опять влез Палыч. - Он дешевле и градусов поболее. Я лежал в областной больнице в одной камере с зам. директора ликёроводочного. Он сам родом из Москвы, хотя и казах, так он мне рассказывал – там применяют три вида очистки от сивушных масел: бытовой, когда добавляют зверобой, а затем настаивают; промышленный, когда – марганцовкой, и лабораторный, когда пропускают через специальные фильтры.

13.01 по московскому времени

Увлёкшись разговором, пехотинец едва не пропустил кофейную паузу. Кинувшись к очередному ящику с минами, он вывалил их в лопухи, наколот щепок и приготовил кофе.

Самогонный разговор был в разгаре, когда запахи со стороны кухни призвали на обед. Продолжая на ходу делиться опытом, потянулись за пайкой.

Рассевшись на ящиках с котелками в руках и пережёвывая пищу, рассуждали о наиболее дешёвом производстве самогона. Но все сошлись на том, что самое главное – дрожжи доставать всё труднее.

Шостак по этому поводу сказала:

- Партия, заботясь о здоровье людей и моральном облике строителя коммунизма, запретила свободную продажу дрожжей.

Боря ответил:

- А нам по фиг дрожжи, у нас на улице Коммунистической в Балтрайоне есть золотые мозги – самогон делают из пшена, а там дрожжи не нужны. После войны я обязательно узнаю рецепт и вам всем, кроме откомандированных, сообщу.

- Ну, я думаю, после войны и пшена уже нигде не достанешь, - пессимистически заметил Храппа.

- Трофейным пшеном станем пользоваться, - сказала откомандированная Шостак. - Со всей Европы завезём, будем есть от пуза.

- И пить, - добавил Боря.

И тут случилось непредвиденное, можно

сказать – катастрофа. В разговор вмешался молчаливый танкист:

- А в Европе пшено не производят.

- Что, совсем? - удивился Боря.

- Да что ж они тогда там едят? - спросил Эдик.

- Сосиски с колбасами, копчёности разные, - ответил Солуянов.

Батальон захлебнулся слюной.

- Так ты, может, скажешь, и гречку не едят? - воспалился политотдел.

- Ну почему же, во Франции гречкой скотину кормят, - нехотя ответил Гена.

- А люди?

- Люди – нет.

- Ну, ни фиги себе, - сказал Боря. - Лягушек с улитками едят, а гречку нет.

Солуянов промолчал.

Разговор перешёл на, «кто, что ест», а вот китайцы, мол, едят червяков.

В это время кто-то крикнул:

- Турецкий самолёт!

И раздался выстрел.

Неожиданно для себя все стали хвататься за оружие и стрелять в приближавшийся с северо-запада аэроплан. Офицеры и прапорщики из «Макаровых», Храппа из «Калашникова», остальные из СКСов. О возможности сбить самолёт никто даже не думал, просто представилась возможность пострелять. Но самолёт неожиданно клюнул носом, пролетел над самой крышей штаба и упал на землю. Прополз на брюхе по траве и застыл. Взрыва и грохота не последовало.

Все кинулись к нему. Добежав до самолёта, остановились в отдалении. Затем, постояв, осторожно подошли и заглянули в провал разбитого плафона кабины.

Пилот был гораздо моложе тех, что стояли вокруг. Глаза его были открыты. Из-под шлемофона на лицо стекала черная струйка крови.

Долго стояли в растерянности.

Потом Храппа коротко выругался и ушел.

Остальные стали молча расходиться.

Пехотинец подумал о самогоне, но его конечно не было.

Он пошел к морю.

Ему очень хотелось залезть в воду и плыть к горизонту, рассекая носом воду, но он помнил

о минах Рогинского и просто сидел на обрыве, размышляя над странной проблемой – почему никогда нет самогона, когда он особенно нужен человеку?

К вечеру из Первомайского подошёл сильно потрепанный дезертирством батальон майора Пантыкина.

Оборона имеет целью отразить наступление превосходящих сил противника, должна быть упорной и активной противоядерной и противотанковой. С. 124

Эпилог

457 отдельный батальон в составе мотопехотного полка имени «Крестьянской бедноты»¹⁷ гвардейской Московско-Минской

пролетарской дивизии был переброшен в 11 гвардейскую армию на юг Германии. К тому времени личный состав дивизии уже трижды был выбит и вновь пополнен. Последний раз дивизия была разгромлена во время наступления на Брюссель, после приказа генерала Суекурова атаковать берёзовый ельник.

Прибыв на фронт дивизия готовилась вступить в сражение.

Юра Филиппов был отправлен в тыл за новыми шифрами. На обратном пути попал под удар наших самолётов и погиб.

Через несколько дней Шостак Марина добиралась на трофейном «Мерседесе» из штаба армии в политотдел фронта. Измученный бессонницей, водитель на повороте не справился с управлением и врезался в армейский грузовик. Смертельно раненая, Марина скончалась в госпитале.

Остальным стало понятно, что война, - это даже хуже, чем они могли предположить.

¹⁷ Этот полк стоял в городе Гусев-Гумбинен и на начальном этапе входил в состав 40-й танковой дивизии, что стояла в Советске-Тильзите.

Антанас ШИМКУС

Родился 5 апреля 1977 года в Вильнюсе. Там же окончил среднюю школу. В 1995 году вместе с ровесниками, пишущими стихи, выпустил альманах «Įžanga» («Вступление»). Чуть позже поступил в Вильнюсский педагогический университет, где изучал литовский язык и литературу. Окончил университет в 2001 году.

В 1999 году издательство Союза писателей

выпустило книгу стихотворений «Skradžiai» («Сквозь»).

С 2004 года работает в еженедельнике «Literatūra ir menas» редактором молодёжных страниц, с 2007 года – ещё и редактор отдела публицистики. Его стихи переведены на английский и украинский языки. На русский язык переводится впервые.

Трепет

Рассвет порождает мглу,
Светлая - темнеет, но свет пробивает тьму,
По неизвестным дорогам
Машины ползут в никуда и гудят в темноту.

Крохотный свет всё ближе, но и крошки эти
Смахнул со стола кто-то, чьё странное имя
В тени остаётся всегда, и кажется, мир бессловесный
Погружается в тень, из ниоткуда опять в никуда.

Это азбука всех начал и лишь одного конца,
Когда сдавленным шёпотом выдохнутое «А»,
Повисает в воздухе гудящим волчком, а тебя уже нет
Этой ночью здесь заморозки, около нуля, подступает рассвет.

Краснота

Я не вернусь, вернусь не я, во время и вне его,
Храни меня, не вовремя сошедшего с ума,
Бредущего от дома к дому и без жилья,
Со святостью и без святых в душе.
Пушу по ветру всю волю воронья,
До грозового неба,
Будто кто-то бьёт в ворованный шаманский бубен,
Людские души бередя.

Как ночь темна, как светел день последний,
Он же первый,
Как существую я и как меня уж нету, когда
Так бьётся сердце и когда в груди такая пустота.
Тебя не слышу я, и сам себя не слышу,
Только крики птиц, всё выше

Распуганных чернильным вороньём, со свистом
Кружащимся над черепичной крышей

И где б не зимовал я,
Прошу лишь столько,
Сколько снега зимою есть у снегиря,
А если нет, засыпьте рябины
Горько красными кистями
Меня, совсем озябшего меня.

Иногда нас нет

Отче наш
Из сиротского дома в сиротский дом,
Из осени в осень
За листвою прошлогодней в погоне,
Уже три десятка лет,
Как крестьянин в иссушенном поле,
А ты засчитал мне лишь три,
Но и этим я буду доволен.

Все твои станции похожи,
Как рельсы, ведущие к ним.
Сладкая водка теперь, хоть и дороже,
Но, по-прежнему, делает женщин
Красивей, моложе.
Горькая водка, тоже
Оставляет на коже сладкий след
От их поцелуев и даже,
Если они не красивы
Зажигает над ними
Чарующий нимб.

Все станции,
Словно сёстры-погодки в семье
Ты хотел бы услышать:
«Сёстры твои во Христе»
Ты был бы доволен?

Отче наш,
Иногда мне кажется,
Что нас нету на этой Земле,
Но чаще,
Что на этом небе
Тебя нет тоже.

Перевел с литовского Борис Бартфельд

Геннадий ЮШКО

Геннадий Артемович Юшко был рожден Якутии и в Арктике. Закончил Литературный институт в Москве, был принят в Союз писателей в 1994 году, изданы два сборника стихов: «Медь и серебро» и «Небесный олень». В 2007 году поэт возвратился на Балтику.

Баллада о янтаре

1

Стояли в соснах карие зрачки
и
вместе со смолой в волну стекали,
к ним не прилипли рыбные фекалии,
не умыкнули их моллюски и рачки:
сочился взгляд – живица янтаря –
и встало солнце в нем на якоря.

2

Мне говорили:
в сорок шестом,
в стылые ночи и дни февраля,
печки топились сплошь янтарем,
и согревал он не хуже угля.
Кто-то
подбросив пригоршню камней,
грелся
у ставшего пламенем взора.
Плавились
давние солнца мгновенья –
чья-то минута
любви или позора.
Без промедления
ухали в топку
выдохи,
вдохи,
смерти,
родины, -
круговращеньем людского потока
шло
насыщение холодины.
Солнце, смола и тепло человечье!

Море скрепило вас ласками, карами.
В сорок шестом приходили вы в печи,
Переливаясь взглядами карими.

3

Я смотрю сегодня на сосну –
будущую каплю янтаря –
может, в чью-то восхищенную весну
этот взгляд придет из сентября.
Может, станут брошью или перстнем
души этих вот негромких строк
и
через означенный им срок
из камней
перельются в песню.

Берег

В прохладную ладонь прилива
уткнувшись лицом –
не остужает.
Глубины неба море погружает,
и я пытаюсь погрузиться торопливо.

Я становлюсь ракушкой глубинной.
Мое лицо – застывшая известка –
уже ушло в песок наполовину.
Но все же чую чуткой сердцевиной:
ладонь прилива гладит берег жесткий.

Дно

Молчит.
Молчит морская гладь.
И я молчать могу.
Мне тоже нечего сказать
ни другу,
ни врагу.
Давным-давно простил врагов,
друзей простил давно.
У моря
нету берегов.
У моря только дно.
Молчит.
Молчит морская гладь.
Гляжу я
В глубину.
Мне тоже нечего сказать
на всю мою страну.
На все отечество мое
молчит морская гладь.

И я молчу.
Молчим вдвоем.
И
нечего сказать.

17 августа 2000 г.

* * *

Ночь.
Безмолвье.
Луна.
Остальное
стена.
Остальное стена или крик?
Крик,
лавиной заливший
глотку,
остальное мы топим
в водке,
сберегая лишь Божий Лик.

Как ликуют мои друзья!
Я люблюсь их ликованием.
Утонула Луна в стакане,
и
стена превратилась в камни,
камни смяла трава.

Остальное
слова.

Извивы жизни Евы Симонайтите

Ева Симонайтите, без сомнения – уникальный творец Клайпедского края. По словам Витаутаса Кубилиуса: «Ева Симонайтите была, есть и останется творцом такого ранга, в литературной жизни которого смерть уже ничего не может изменить. Писательница, еще будучи живой, стала классиком литовской литературы. Ее произведения уже давно заняли постоянное и почетное место в истории нашей культуры». Но многим ли известно, каким был извилистым и нелегким путь писательницы до этого признания? Говорят, что когда тяготы наваливаются на человека, то они укрепляют решительных людей.

Е. Симонайтите родилась 23 января 1897 г. в деревне Ванагай (Клайпедский район). Мать ее – Этме Симонайтите – была бедной деревенской работницей, которую еще до рождения дочери бросил на волю судьбы муж Юргис Стубра. Этме с дочкой, в поисках работы и лучших условий жизни, частенько переезжали с места на место.

Будущая писательница в пятилетнем возрасте заболела костным туберкулезом. Болезнь приковала ее к постели, по этой причине она долго не посещала школу. Читать и писать Е. Симонайтите научила мать. Она также научила ее молиться и петь по-литовски. Иногда к Еве забегали соседские дети, которые вместе с ней писали, считали. Десятилетняя девочка читала почти все, что попадалось под руку, чаще – книги религиозного характера – Библию, катехизис, молитвенники, духовные песнопения.

Уже с малых лет она, опираясь на палку, должна была работать: пасти чужих гусей, присматривать за малыми детьми. Работала летом, когда улучшалось здоровье. Зимой, когда другие дети ходили в школу, она, мучимая болезнью, частенько лежала в постели.

С 1912 до 1914 гг. Ева лечилась в детской больнице Ангесбурга для хромых детей. Од-

нако, после возвращения из Ангесбурга, ее не ждали ни школа, ни родственники. Никто не желал помочь; родственники отталкивали ее, как ненужную обузу. Позже, в Клайпеде, она стала обучаться ремеслу швеи. Во время войны и после ее окончания – ходила по областным деревням, зарабатывая на хлеб шитьем. В это время Е. Симонайтите вступила в литовское народно-культурное движение Малой Литвы (Восточной Пруссии и Клайпедского края) против германизации.

19 июля 1919 г. Е. Симонайтите вступила в молодежную организацию летувининкасов, основанную в Ванагай – «Эгле» - и стала одним из активнейших участников организации. Когда Ева вступила в это содружество, родственники, сочтя такой ее поступок преступлением, совсем от нее отвернулись. Известная как хорошая и дешевая швея, она почти не имела работы, поскольку не многие хотели давать заказы “отщепенцу”. Неоднократно ее прилюдно высмеивали. Однако у нее было много внутреннего упорства, она и далее активно участвовала в проводимых “Эгле” вечерах, экскурсиях, праздниках.

В “Голосе литовцев Пруссии”, “Завтра”, “Садике” были опубликованы статьи и стихотворения Симонайтите. В своих статьях Ева писала о многих значительных и незначительных вещах, касающихся деятельности молодежной организации, о слетах и общениях, о политике, образовании и т.д. Публицистика Е. Симонайтите показывает общую заинтересованность юной девушки жизнью страны. Ранние статьи Е. Симонайтите интересны своим языком и особенностями стиля. Они никем не правлены, не редактированы, отличаются от поздних работ Евы, над языком которых велась работа.

В 1921 г. Е. Симонайтите переехала в Клайпеду. Здесь ее пригласил к сотрудничеству биограф, историк Ансас Брожис. При подде-

ржке Ансаса и других патриотов, она закончила вечерние курсы машинописи и стенографии. Начала работать в разных заведениях. Сначала – в Литовском консульстве, позже – машинисткой в типографии “Ритас”, еще позже – корректором в редакции “Голос литовцев Пруссии”. Работая в редакции, Е. Симонайтите имела возможность познакомиться с трудом печатника, а также с творчеством Клайпедских литераторов. Осенью 1923 г. она стала работать машинисткой литовского языка в директории Клайпедского края, позже – машинисткой и переводчицей сейма Клайпедского края. В 1938 г. была принята в Общество литовских писателей. 17 августа 1978 г. умерла от повторившегося инфаркта миокарда и была похоронена в Вильнюсе, на кладбище Антакальняй.

Рассматривая факты биографии Е. Симонайтите, видим все трудности ее жизни: нищее детство, никудышное здоровье; в юности пришлось пережить много обид и насмешек. Однако твердый характер Симонайтите помог ей перенести все. В ее творчестве отражается жизненный опыт – все то, что она наблюдала в детстве и юности. Она писала народным языком. Для нее врожденное, а не приобретенное чувство языка диктует натуральные эпитеты, сравнения, экспрессивные глаголы.

Природа Клайпедского края, история и человеческие судьбы – это содержание творчества Е. Симонайтите, начало начал проблематики, запас творческих идей на всю жизнь.

Писательница свой творческий путь начала со стихотворений и статей. Позже появились новеллы, рассказы, фрагменты больших произведений. Первое опубликованное стихотворение появилось в 1914 г. в “Тильзитском путнике”. Оно называлось „Ах, война, война ужасающая!“. Первый роман “Судьба Больших Шимонисов” издан в 1936 г. За это произведение автор награждена Государственной литературной премией. Позже были опубликованы и другие романы: “Весенней бурей”(1938), “Вилюс Каралюс”, часть 1. (1939), а 2 часть. – в 1956 г., “Без отца”(1941), повесть “Злючка” (1953), “Повести”(1948), “Последний путь Тельца”(1971). Была издана и автобиографическая трилогия “...А было так”(1960), “Не та крыша” (1962), “Незаконченная книга”(1965) и автобиографические рассказы “Обыкновенные истории”(1968).

Имя этой уникальной писательницы и общественницы до сих пор не забывают. Именем писательницы названа средняя школа в г. Прекуле Клайпедского района и основная школа г. Клайпеды. В Прекуле действует мемориальный музей писательницы.

Имя Е. Симонайтите носит Клайпедская областная общественная библиотека. В ней символически проводятся чтения Е. Симонайтите. В память об этой писательнице Клайпедским писателям за заслуги перед литературой вручается премия ее имени.

Расмина ГЯНУТИТЕ

Перевел с литовского Clandestinus

Ева СИМОНАЙТИТЕ

Ее первая любовь

В ту пору Дудйонисы проживали в деревне Скеряй, в избушке хозяина Квауке из села Жагарай.

Эту избушку на курьих ножках Дудйонис прозвал «Богадельней». Название, или прозвище, привилось, и все соседи, да и чужие, говорили: «Это которые вон там, в «Богадельне» живут». И почему он прозвал ее так, неизвес-

тно. Разве потому, что слово «богадельня» для жителей приклайпедской деревни было незнакомым и звучало диковинно, необычно. А возможно, и потому, что от глубокой дряхлости избушка не то что покосилась, а как-то сгорбилась. Крыша, как водится у таких избушек, была соломенная, давно обросшая мхом. Кто-то воткнул в него росток молодила. Оно

разрослось, «народило» детей и рассадило вокруг себя. А молодило мог воткнуть туда кто-нибудь из ребятишек — такая низкая была крыша.

Во всяком случае, избушка не могла получить такое прозвище из-за своих обитателей. Все, кто жил в ней, были люди молодые. А жили там Дудйонисы (родственники Эве), у которых каждый год рождались дети и тут же умирали. В живых осталась одна Ане — самая старшая.

За перегородкой жил Мартинкус, Аугустас Мартинкус с женой. Они скорее всего были из Тильзита или из Рагайне, потому что и одевались и говорили иначе, не так, как прекульские, хоть и по-литовски. Мартинкене была худая, долговязая и говорила стонущим голосом, будто ее вечно обижали. Зато Аугустас Мартинкус был мужчина хоть куда, даже с усами. И всегда веселый.

В ту пору Эвике еще была здоровой. Тогда она жила у Дудйонисов в «Богадельне» и крепко любила Мартинкене, а еще крепче Аугустаса Мартинкуса. И любовь свою проявляла очень страстно.

Осень. С деревьев давно облетела листва, в огороде видны только изрытые грядки да кое-где торчит из земли вялый капустный лист или ветер носит залетевшие откуда-то кленовые листья. Больше ничего не увидишь.

Вечер. Солнышко вот-вот сядет, если еще не село. Эвике выбегает в огород и присаживается на корточки возле грядок. Рядом стоит тетка Дудйонене — значит, Ане дома нет. Иначе бы на двор ее вывела Ане. Иногда Эвике выходит и одна, а иногда и нет, — как же, «нищий может унести».

Эве сидит на грядке и философствует. Времени у нее довольно, торопиться некуда. В избе вечно одно и то же. И ребенок плачет, и Дудйонис горланит, обтесывая клумпы. А ведь Эвике тоже иной раз хочется и покричать, и спеть песенку, то бишь песнь.... Только где там! - Нельзя! Ребенка разбудишь!

Небось, когда дядя Дудйонис горланит, ребенок отчего-то не слышит. А голос у него грубый. Эве поет тоненьким, еле слышным голоском, а они все равно: «Ребенка разбудишь, помолчи...»

Вот Эве и молчит. Ее и без того многое занимает. Клумпы дядя, Дудйонис сперва обтесывает, потом выдалбливает, а после этого обстругивает. А под самый конец скоблит их ножом и насекает узор — елочки либо звездочки. Эве есть что разглядывать и из чего строить домики и игрушки. Сколько здесь щепочек и стружек — и кругленьких и кудрявых! Только красивые щепочки надо искать поосторожнее. Дудйонис жует табак и плюется прямо на них.

Но хоть и весело возиться со щепками, а на дворе еще веселей. Оттого и незачем торопиться в избу. В том месте, где солнышко село, небо красное-красное. А с другой стороны — темное-претемное.

- Мама, отчего небо вон там красное, а в той стороне — черное, а? - любопытствует Эвике.

- Там оно завтра утром станет красным, когда заря займется

- А почему сейчас заря не занимается?

- Ну, пора в избу. Задницу отморозишь. Захвораеть.

- Сейчас я, сейчас. Ма-ам, а почему земля замерзла? Гляди, пальцем не расковыряешь.

- Оттого, что морозно. Или сама не знаешь?

- Отчего морозно? А нельзя, чтобы тепло было?

- Осень теперь. Вот скоро придет зима, еще холоднее будет.

- И снег выпадет.

- А отчего летом нет снега?

- Оттого, что летом тепло. Солнышко пригревает.

- А отчего оно теперь не пригревает?

Пудйонене не может так скоро найти ответ, но девочка сама приходит ей на помощь.

- Оттого, что боженька не хочет?

- Ну да - и чего ты тут столько времени возишься? Вот я одна уйду в избу. Так и знай.

- Нет, нет, ма-ама... Гляди, вон звездочки. Ма-ама, а я однажды видала, как звездочка упала — вон туда, за ригу. Можно пойти взять?

- Звезды за ригу не падают, что ты мелешь?

- Нет, упала. Сама видала.

- Тебе говорят, иди в избу. Вот оставлю тебя одну, и считай тут звезды.

- Нет, нет, пойдем... Мама, а почему месяц такой красный?

- Потому, что сейчас только встал. Еще сонный он. Ох, и зачем я сказала? Теперь она опять примется...

- А где он спит?

Но на это, слава богу, отвечать не понадобилось. Эве уж позабыла все на свете, потому что из-за угла показался сосед Мартинкус.

- Аугустас, Аугустас, куда ты идешь? - окликнула Эве соседа и, проворно вскочив, подбежала к тетег чтобы та застегнула ей штанишки. - Аугустас, эй, Аугустас!

- В Прекуле иду, Эвике.

- Зачем в Прекуле?

- За сахарным песком, за солью.

- За солью?

- Да, за солью.

- Аугустас, а ты... долго пробудешь в Прекуле?

- Тебе зачем знать?

- А затем... ведь уж вечер, ночь. Разве ты не боишься зайцев?

- А ты видишь, я с палкой иду?

- С палкой... А собаки?

- Никого я не боюсь...— Аугустас выпятил грудь.

- Аугустас!

- Ну, чего еще?

- Принеси мне конфетку.

- Гм... А если принесу, поцелуешь меня?

- Гы-ы... - сконфуженно засмеялась Эвике. - Да ты принеси, принеси, поцелую уж. - Эвике засунула в рот палец и потупилась.

- Может, и принесу, если денег хватит.

- Хватит, хватит. Только не забудь, а то я больше не приду к тебе.

- Ах ты, батюшки, еще и пугает. Принесу, сказал, что принесу.

Эве ужасно приятно, что Аугустас испугался. Она даже повизгивает от удовольствия, смеется и говорит тетке:

- Видала, как он испугался? Боится, что позабудет.

- Боится, как не бояться.

Возвращается Мартинкус, как водится, поздно ночью, подвыпивший. Эве давно уж спит. Ждала-ждала его и не дождалась. Мартинкус хоть и выпивает, но он не злой и жену никогда

не бьет. Когда принесет с собой полбутылки, приглашает выпить и соседа. Если же полбутылки не оказывается, он сидит и распевает в одиночестве песни.

- Аугустас? Аугустас вернулся! — просыпается Эве. Несмотря на полуночную пору, она нащупывает дверь и бежит к Аугустасу Мартинкусу. Бежит через сени, по холодному полу — раздетая, босая. Надо спешить, не то мама проснется и догонит.

- Аугустас, я тебя ждала. Принес конфетку?

- А ты будешь меня любить?

- Ведь знаешь, что люблю. Зачем спрашивать?

- Покажи, как ты меня любишь?

- Вот так... - Она прижимается головой к его груди.

- Нет, ты обними, приголубь, поцелуй. Крепко-крепко.

Девочка взбирается к нему на колени, иначе ведь не дотянешься до шеи. Но поцеловать его не так-то легко. Ведь у Аугустаса огромные желтые усы. Только захочешь прижаться к его лицу, как эти страшные усы принимаются щекотать. Так они щекочат, что невозможно удержаться от смеха. И вот в глухую полночь под ветхой крышей «богадельни» раздается веселый ребячий смех.

Тем временем извлекаются из кармана конфеты. Их немного, зато страх какие диковинные! Сперва надо наглядеться на них, налюбоваться.

- Ой-ой-ой! Какой ты добрый, Аугустас. Так любишь меня?

- Люблю, люблю...

А из-за двери уже слышится нетерпеливый голос:

- Ляжешь ты наконец, девчонка? Нет, гляди, удрала из постели. И Ане не заметила, как она через нее перелезла.

- Ма-ама, еще минутку, одну минуточку.

- Кто это тебе позволил взять да убежать? погоди вот, все матери расскажу. Так достанется, так достанется...

- Ма-ам, да я сейчас, сейчас. Я тут с Аугустасом...

Но тут вмешивается Мартинкене:

— Пускай девчушка поиграет еще с Ау-

густасом, потом я ее в собой положу. А ты иди спать, Дудйонене.

- Нет, я лягу с Аугустасом, - решает девочка.

- У Аугустаса постель узкая, Эвужеле. Заснет он и задавит тебя.

- Аугустас, ты, правда, заснешь и задавишь меня?

- Не знаю, хотя, может, и так, - увиливает Аугустас. - Я устал и малость выпил. А ты не храпишь?

- Ма-ам, я храплю? - тревожно спрашивает Эве.

- Ужас, как храпишь, не хуже мужика. - Обе женщины смеются.

- Вовсе я не храплю. Не задавишь меня, нет?

Аугустас пожимает плечами.

- Откуда мне знать, ведь я спать буду. Вспомни-ка сама, как ты во сне куклу раздала, блин из нее сделала.

- Ну, тогда я лучше лягу с Мартинкене.

За стеной орет Дудйонис:

- Да вы ляжете? Вот возьму ремень да обеих...

- Молчи, - отвечает Дудйонене. - Сплошное наказание с этой девчонкой. В глухую полночь бежит к чужим людям, будто своего угла нет.

- Что же, когда она по уши влюбилась в Аугустаса, - доносится с другой кровати сонный голос Ане.

- Выбью я у вас из головы эту любовь, - ворчит сквозь сон Дудйонис.

Перевела с литовского Н. Панышина

Озарение словом

Юрий Николаевич Куранов (1931- 2001) - признанный мастер лирических миниатюр, знаток и хранитель языка, был профессиональным писателем в самом полном значении этого слова. Слово в его текстах обретало свет и свою первозданность. Оно словно озарялось всеми цветами радуги. Мир прекрасного вошел в его детство, он родился и вырос среди картин знаменитых художников. Его отец был заместителем директора Эрмитажа, мать была художница, работала в Русском музее. Безмятежное детство было оборвано арестом отца, который вместе с другими музейными работниками пытался препятствовать разграблению музеев большевистскими правителями. В Сибири, еще в школе, Юрий Куранов начал писать стихи. Стихи перерастали в лирическую прозу. Первым заметил и поддержал его известный писатель Эммануил Казакевич. В 1959 году в журнале «Новый мир» были опубликованы первые курановские лирические тексты. Затем их повторили в газете «Правда». В 1961 году вышла книга рассказов «Лето на Севере», и была она такой яркой, такой первозданной, что по ней Куранова сразу приняли в Союз писателей. Затем подряд выходят книги лирических миниатюр: «Белки на дороге», «Колыбельные руки», «Дни сентября», новеллы его переводятся и издаются за рубежом.

Всей своей жизнью Куранов подтвердил свое право быть профессиональным писателем. Теперь, когда писателями считаются, ничтоже сумяшись, авторы нескольких книг, изданных за свой счет, понимаешь, что называться творцами могут только единицы, те, кто, как и Куранов, всю свою жизнь отдали на алтарь литературы. Никогда и нигде Куранов не искал выгод, ни разу не польстился на посулы власть предержащих и не искал у них поддержки.

В книге «Мороз и солнце», изданной в Москве в 1981 году основной становится пушкинская тема. Куранов хочет соразмерить свои слова со словами великого поэта, попытаться в прозе

воссоздать то, что было заложено в стихе. Он подхватывает поэтические строки, разворачивает их и восторгается и природой, и звуком. То, что не может сделать слово, продолжает кисть, Куранов не только большой знаток живописи, он и сам пытается воспроизвести дорогие сердцу пейзажи. Он создает повесть по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова «Озарение радугой». В ней Куранов вступил в состязание с музыкой и цветом. Словами он попытался изобразить не только неизвестные нам полотна Козлова, но и многие шедевры живописи. Небольшая эта повесть стала почти музыкальной энциклопедией и энциклопедией живописи. И так пахнет с ее страниц сиренью и люпином, скошенными травами, так отчетливо звучат Скрябин и Вивальди, что всякий раз, начиная ее читать с любой страницы, невозможно оторваться от текста и хочется читать вслух.

Творчество Куранова было все время в движении, он ищет новые формы, работает над сюрреалистическими новеллами, вновь возвращается к стиху, пишет эссе. С 1982 года он живет в Светлогорске, в тихом городке у моря, его называют «светлогорский отшельник». Здесь он встречает начало гласности. Его новелла о первой встрече с приморским городом «Таинственный шум» вошла в антологию «Лики родной земли». Его стихи появились в столичных журналах. Казалось бы, наступило его время, но по-прежнему его не издают в Калининграде, он слишком резок в высказываниях и правдив для провинции, по-прежнему дозированы издания в столице. Лишь в журнале «Запад России» появляются его резкие исповедальные рассказы и сюрреалистические миниатюры. Был опубликован и большой текст – его размышления после крещения. Откровенная исповедь, очень лиричная, как и вся его проза, и очень пронзительная. Он ведь спасся от жизненных соблазнов только благодаря тому, что пришел к вере в Бога. В возрасте сорока с лишним лет он крестился. И стал искренне верующим, углубился в русскую рели-

гиозную философию, знал как никто другой жития святых, цитировал их высказывания.

Юрий Николаевич был всегда увлечен не только философией, но и российской историей, он был большой знаток войны 1812 года, в прошлом он ищет корни сегодняшних событий. В 1998 году в Москве выходит его роман “Дело генерала Раевского”, сразу же ставший бестселлером и вызвавший порой ожесточенные споры. В романе нет привычного изложения биографии Раевского. Весь роман это спор о судьбах России, роман-откровение, роман-диспут .. В романе показано как в России развивалась власть чиновничества – от опричнины и петровских коллегий до сегодняшних дней, как побеждали серость и лакейство, а талантливые люди подвергались гонениям. В прошлом году этот роман переиздан в Калининграде по правительственной издательской программе.

Куранов не был писателем, замкнувшимся только в своем творчестве, где бы он ни жил, везде он активно стремился участвовать в решении всех возникающих проблем, страстно выступал за восстановление справедливости, за возрождение духовности и развитие культуры. Не было почти ни одного крупного культурного мероприятия, где бы он не принял участия. Уже тяжело больной он выступал со страстными речами перед различными аудиториями, постоянно занимался с молодыми авторами в своем семинаре, сотрудничал с журналами, стремился объединить демократически

настроенную часть интеллигенции области.

Куранов прожил последние свои месяцы в страшном напряжении, борясь с тяжелой болезнью и стараясь высказать все свои сокровенные мысли. Никому свою телесную боль он не показывал. Получив от администрации средства для лечения в Дубне облучением, он решил не разрушать свой организм, не доехал до места, и в Москве, преодолевая боль, общался с писателями, хотел высказать все, что еще не легло на бумагу. В Калининграде его последние публичные выступления на «Днях славянской письменности» и на вечере памяти писателя Снегова надолго запомнились любителям литературы, став последним духовным завещанием Куранова. Сегодня можно с твердой уверенностью констатировать, что Куранов относится к тем писателям, жизнь которых продолжается и после кончины. Множатся ряды общества почитателей его творчества, его ученики постоянно устраивают чтения, посвященные Куранову, выпускают альманахи. По их инициативе на доме, где жил писатель, установлена мемориальная доска. На произведениях Куранова учатся бережному отношению к слову молодые писатели. Его творчество стало неотъемлемой частью нашей послевоенной культуры. Мы представляем читателю, как известные его миниатюры из книги «Сердце ключей», так и его сюрреалистические миниатюры, опубликованные ранее в журнале «Запад России».

Олег ГЛУШКИН

Юрий КУРАНОВ

Из книги «Сердце ключей»

У меня на ладони город

У меня на ладони город. И я вижу, как его крыши алеют на закате, как на них опускаются звезды ясной ночи, как месяц присаживается то на один, то на другой балкон и как метельный ветер подкрадывается к нему то с равнин Балтики, то из дремучих лесов России. Мне

стоит чуть пошевелить ладонью, и по всему городу перекатываются огни, как по хрустальной чаше. Ладонь моя теплая, и городу спокойно. Я знаю, что от моей ладони городу нечего ждать тревоги.

Порой мне нравится смотреть, как над городом кружатся самолеты, взлетая и садясь, похожие на летящие семена, уносимые ветром с кленов.

Но город ширится, он вырастает в ладонь, и она слегка каменеет, и кажется мне, что сама она становится уверенней и тверже.

И с течением времени я все больше замечаю: не город стоит на ладони, а ладонь крепчает над городом – и уже принадлежит не мне, а всему, что на ней находится.

Гавань

Здесь недалеко заложили гавань. Там уже ставят корабли. Они пока пусты. Корабли ждут. Их красят, моют, клепают. Уж скоро сюда начнут сходить люди. Они пойдут под грохот музыки, с флажками и флагами, с цветами и цветочками.

Кто они? Матросы или пассажиры? Не знаю. Скорее всего и то и другое. И все они поплывут. Одни для того, чтобы вернуться к родному порогу, а другие – чтобы оглядываться издали и махать своему дому рукой.

У этой гавани три этажа и повсюду цветы. Я возьму за руку дочь и приведу ее в гавань. Я встану с ней на берегу, и долго буду всматриваться в волны, и все крепче сжимать буду ладонь моей дочери. Но ей захочется туда, в даль. Я хочу, чтобы уплыла она далеко на корабле с такими парусами, в которых слышится песня, под такими ветрами, в которых слышен смех и дружеский говор. Пусть она сойдет с палубы там, где ей больше всего понравится: на блеск и тишину сцены, под гул и дрожь моторов, за голубые дали цветущих виноградников, в мерцающий и страшный мир пробирок и приборов или на тонкую паутину скрипичной мелодии, по которой человек бежит, словно канатоходец, и никак не может остановиться. Пусть плывет, куда ей хочется.

И я уже сейчас вижу, как вся она дрожит и алеет, когда смотрит в окно в сторону гавани, куда я скоро приведу ее, взяв за руку, откуда пока слышится грохот бревен, звон досок, колокольный перезвон молотков и муравьиное поскрипыванье монтажного крана.

Тополя

Строят город и высаживают юные деревья. Тополя. Тополя не понимают, что с ними происходит. Выпал снег. Тополям и холодно, и непривычно. И я думаю, они растеряны, они

стоят как под наркозом. Когда приходят синие стужи, деревья коченеют в незнакомом, чужом для них месте, среди пустырей. Домов еще не много, и ветер гуляет, как он привык здесь гулять среди поля.

Но придет весна. Дома за это время подрастут, протянутся панели и дорожки, мостовые. На тополях проснется листва. И когда она, пахучая, веселая, окрепнет, по тротуарам и по крышам заговорит майский дождь. Все засверкает, и запах тополей польется вам в ладони.

Тогда нужно раскрывать окна, потому что тополя придут в себя, осмотрятся и заиграют на ксилофонах. Сначала отдаленно, потом слышнее, вдали один от другого, но все вместе, все разом, как один. И кто-то будет слушать ксилофоны и подыгрывать им одним пальцем на фортепьяно. Пожалуй, это девочка, какая – совсем еще не знаю. Но это только начало.

Потом и тополя подрастут, и среди ливня или ветра, а особенно во время листопада, они раскроют широкую, совсем настоящую музыку.

Из цикла «Острова в пространстве»

Окно

Евгения приходила с работы раньше Евгения. Она садилась у окна и смотрела в даль улицы. Евгений появлялся вскоре. Он брал газеты, ложился на диван и принимался читать.

Евгения сидела у окна. За окном начинался дождь. Окно становилось желтым, а дождь фиолетовым. Евгения смотрела на дождь и медленно плакала.

Под потолком на печке сидела крошечная старушка с зеленой кружкой на голове. Старушка играла на дудке.

Чичиламба

Вокруг парка ходили трамваи. Люди сидели при сумерках на скамейках, в шезлонгах, на траве, и многие курили карандаши.

Пройдя между ними, Евгений заглядывал в кафе. В кафе ярко светило солнце. Столики были расположены на берегу океана, так что сильно пахло морской водой.

Народу за столиками было немного. В основном здесь сидели студенты и дипломаты. Прилив длинно набегал на крупный песок и шипел, и поблескивал. Невдалеке уплывал в море небольшой дощатый остров. С берега над островом свешивалась огромная ветвь пальмы. На конце ветви сидела обезьяна. Время от времени обезьяна выкрикивала: «Чичиламба», - и швыряла на остров прозрачные золотые шары. На острове плясала чернокожая девушка. У нее были удивительно тонкие черты лица и длинный греческий нос. На поясе у девушки были низко подвешены золотые рыбки. Рыбки раскрывали рты, бились об живот и об ноги девушки и позванивали в такт пляске.

Девушка плясала и ловила шары. Она швыряла их назад обезьяне и тоже выкрикивала: «Чичиламба!» Остров уплывал далеко в океан, и только можно было еще различить, что девушка пляшет, а пояс ее позванивает. Но девушка все ловила шары и перекликалась с обезьяной.

Когда Евгений вышел в парк, было темно. Вокруг парка бегали трамваи и сыпали искрами. Люди сидели на скамейках, в шезлонгах и просто в траве. Все курили толстые разноцветные карандаши.

Крыши

Евгения выглянула в окно. Мужчина все бродил по крышам домов, что напротив. Потом он встал на карниз. По карнизу он пошел к ее окну, держа в руках две скобы и молоток. Он вбил скобы в подоконник, бросил молоток вниз и повис руками на скобах. Так он висел очень долго. Прошел день, прошла ночь – он все висел и печальными глазами смотрел в окно. Евгения очень боялась, что он сорвется. Она раскрыла окно ипустила его в комнату.

В комнате он оживился и страшно много ел. На волосах у него выступил пот, и он лег на диван. Он ушел утром следующего дня, хоча во все горло и громко топая по каменной лестнице башмаками.

Евгения села у окна и стала смотреть, как ветер гонит по крышам сажу. Скобы так и остались торчать в подоконнике. Вскоре на кры-

шах появился народ. Все хмуро глядели, как Евгения сидит у окна.

Волосы

Луна светила ярко, и волосы его казались не черными, а синими. Он подошел к высокому окну, выставил его и влез в квартиру.

В квартиру светила луна. В квартире никого не было, кроме детей. Дети спали в кроватках и во сне водили по стенам длинными руками. Они снимали со стен игрушечные ружья, поднимали с пола за волосы кукол, хватали за хвост кошку, и все швыряли в угол.

Он прошелся по комнате, стащил со стола скатерть и собрался вязать вещи в узел. Тут ему вдруг почудилось, будто что-то неладно. Он быстро оглянулся и увидел, что одна из девочек улыбнулась во сне.

Он так и остался стоять среди комнаты, глядя на девочку. Когда утром соседи взломали дверь, чтобы узнать, есть ли здесь в водопроводном кране вода, он все так же стоял среди комнаты. Он смотрел на спящую девочку, он весь был седой.

Лицо

Она лежала на тротуаре, прикинувшись крепко спящей. Она даже как бы что-то бормотала во сне. Евгений подошел и наклонился над ней. Тут же она вскочила и вцепилась ему в лицо.

Сначала у Евгения вспухли губы. Потом раздуло нос. К вечеру посинели и набрякли веки. Евгений лежал в постели и смотрел в потолок узкими щелочками глаз.

За это время она поселилась рядом и стала ходить к нему делать примочки. Опухоль спала, но кожа на лице начала то здесь, то там лопаться.

Поджав ноги, она сидела на полу, рядом, и прищуривала то один, то второй глаз, по очереди. Потом она удалилась к себе в комнату, заперла ее изнутри, вылезла в окно и ушла по крышам.

Стакан

Евгения сидела перед стаканом. В стакане был жидкий чай. В чае плавали по стакану бараки. В бараках горел свет, а на крыше

одного барака стоял черный петух. По краю стакана сидели крошечные дети в желтых и синих штанишках. Дети болтали ногами, свесив их наружу. Евгения потеснила детей указательным пальцем с покрашенным ногтем и выпила чай.

В стакане стало пусто, но дети продолжали сидеть и болтать ногами. Тогда Евгения швырнула стакан в окно. Стекло разбилось, стакан вылетел. Но дети остались висеть на стекле, ухватившись за его разбитые края.

Из комнаты сквозь окно сильно подул ветер, и дети развевались на стекле, словно маленькие разноцветные флажки.

Чемодан

В чемодане было темно и сухо. Чемодан покачивался оттого, что его несли. Евгений лежал в чемодане и ничего не думал. Потом Евгений услышал, как чемодан швырнули. И он полетел. Пока чемодан летел, Евгений заснул.

Когда Евгений проснулся, чемодан стоял на месте. Вокруг были шум, суматоха, и кто-то все время отпихивал чемодан ногами. Потом на чемодан села женщина. Сидя, она разговаривала с кем-то, покачивалась и порой смеялась. Вскоре Евгения снова понесли. Затем побежали. Раздался грохот, где-то завывали кошки, протяжно и зло. Послышались выстрелы. Чемодан кто-то высоко поднял над собой и бросил на землю. Евгений сильно ушибся. Он лежал и слушал выстрелы.

В конце концов перестрелка стихла. Но Евгений оставался лежать в темноте. Внезапно ему почудилось, что кто-то пробивается в чемодан снизу. Потом почувствовал, что кто-то пробивается под мышку. Немного позднее Евгению стало казаться, будто в нем кто-то есть. Сильно заболела голова, и Евгения стошнило. Все вокруг зашумело, и Евгений понял, что шумит трава.

И Евгений решил, что это был цветок. Евгений только не мог догадаться, поднимется ли цветок над чемоданом или расцветет у него под черепом.

Пружина

Евгению повезло, ему дали маленький

пластмассовый ключ.

Евгений положил ключ в карман и вышел на улицу. На улице вдоль тротуаров стояли женщины. Они не двигались, они пусто смотрели вдаль, отставив ногу и подперевшись рукой. Вокруг женщин была давка, и протиснуться к ним Евгений не смог.

Тогда он пошел по квартирам. Многие квартиры были пусты, но в некоторых сидели и лежали женщины. В одной из квартир Евгений подошел к женщине, лежавшей на боку. Он вставил ей ключ между лопаток и несколько раз повернул его. Женщина заморгала открытыми глазами, села, поправила прическу и поцеловала Евгения. Вдвоем они вышли на улицу.

Евгений повел женщину в ресторан и заказал вина. Женщина сидела рядом, положив голову на руки, смотрела Евгению в глаза и улыбалась. Принесли вино. Евгений чокнулся с женщиной и выпил. Она тоже выпила и чуть приподняла край юбки. Потом они выпили еще, и женщина приподняла юбку повыше. Евгений засмущался и вывел женщину на улицу.

Он взял ее под руку и заспешил домой. На одном из перекрестков женщина вдруг остановилась, высоко подняла ногу и хотела затанцевать. Но завод вышел, и женщина так и осталась стоять с поднятой ногой и застывшим взглядом.

Евгений бросил ключ на мостовую и пошел домой один. Первый же прохожий быстро подобрал ключ, схватил женщину поперек живота и потащил куда-то.

Из цикла «Портреты» Сандро Боттичелли

Из пены под скалами острова поднялась Афродита. Долго стояла, вдыхая запах фиалок с холмов, и запах солнца с моря, и запах теплых лепешек из города.

И вдруг он вышел из нее худой, счастливый, юный. И радостно пошел вдоль берега в город, не оглядываясь. Она сомкнула ладони на груди и усмехнулась.

Потом он долго ходил по холмам, только издали глядя на море, и печально отыскивал по дорогам не оброненный кем-то цветок.

Сапфо

Юноша стоял, воздев руки к небу. Она ходила вокруг и тихо играла на арфе.

Юноша медленно превращался в мальчика.

Мальчик влажно смотрел на нее из-под высоких век. Она продолжала ходить вокруг, ласково трогая струны.

Мальчик превращался в девочку, и девочка поднимала глаза за остров к морю.

Она играла опять, и девочка исполнялась искусительной женской красотой.

Тогда она роняла арфу, медленно подходила и обнимала ее и целовала в груди, в живот и в бедра.

Провинции Иосифа Бродского

«Поэт в закрытом гарнизоне» - эту книгу в 2008 году издал журнал «Звезда» в Санкт-Петербурге. Она об Иосифе Бродском, о его стихах, связанных с Балтийском и Калининградом, о невидимых нитях, связывающих самый западный регион России с великой русской культурой. Эта книга подводит черту под многолетним поиском ее составителя Олега Щеблыкина и его коллег - военных журналистов из газеты «Страж Балтики». Любовь к литературе, азарт исследователей подтолкнули Валентина Егорова, Александра Корецкого и Олега Щеблыкина к разгадке небольшой литературной тайны. Им захотелось узнать, зачем однажды поэт приезжал в Балтийск – ведь он на память о днях проведенных в городе, оставил стихотворение «В ганзейской гостинице «Якорь»... Они в этом разобрались. А их поиск постепенно затянул в свою орбиту многих людей, близко знавших поэта. Все они представлены как авторы эссе, статей, воспоминаний на страницах книги, открывающей новые грани в творчестве и личности поэта Иосифа Бродского. Счастливый случай – командировка поэта в Балтийск от журнала «Костер», чтобы выяснить, почему юных пловцов лишили медалей, подарила нам «кенигсбергские» стихи. Теперь на стене гостиницы, где останавливался поэт, укреплена мемориальная доска.

* * *

Иосиф Бродский писал: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря»... Это что же за провинция такая? Литва? Одна из пятнадцати республик «Союза нерушимого»? Да, она. Но и Польша в ту пору живет по указке Москвы: из пренебрежения родилась ведь поговорка «курица не птица – Польша не заграница». По слову Ирэны Грудзинской-Гросс, исследовательницы

творчества Иосифа Бродского, «Польша в те годы являлась незыблемой частью империи Советов». А зажатый меж ними Калининград (военный трофей, Кенигсберг) – островок Империи – тоже ведь провинция у моря.

Все они ему милы, в то время как с Империей у поэта нелады.

Бродского всегда, пока Империя не отринула его, пока он жил на родине, тянуло «в глухие провинции у моря».

Бродский словно выдернул суровые нитки границ, сшивавшие лоскуты провинций Империи, и на карте его души, какой она предстает в его поэзии, этот огромный осколок Империи у моря един и неразделим.

Это территория его любви.

* * *

О том, что Иосиф Бродский незадолго до своей ссылки, в 1963 году, приезжал в самый западный город Союза, сама я узнала, прочитав его стихотворение в сборнике «Холмы», который купила в командировке в Ленинграде в 1991 году. Это одна из самых первых книг поэта, появившихся после долгих лет официального непризнания его уникального творчества. Сборник, проиллюстрированный рисунками из рукописей Иосифа Бродского, редкими фотографиями, издали в 1991 году в Ленинграде его друзья.

На всех снимках, даже там, где Бродский улыбается, он кажется грустным и погруженным в себя. У него взгляд пророка.

Фотография 1964 года. Деревня Норенская Архангельской области. Ссылка. Бродский в телогрейке. То, что под ней, все равно выдает в нем интеллигента: воротничок клетчатой ковбойки, пуловер с «у-образной» горловиной. Должно быть, осень, судя по пышному убранству леса вдали. И это осеннее настроение в глазах. Он невольник, провидящий свое бу-

дущее, в котором вечный изгнанник.

Здесь, в Архангельской области, в деревне Норенская, в ссылке в 1964 году Бродский написал стихотворение «*Einem alten architekten in Rom*» - оно рождено встречей с поверженным в прах Кёнигсбергом.

К счастью, он побывал в Калининграде, когда еще стояли на горе над Прегелем величественные руины Королевского Замка, не подорванные по приказу временщиков. Я же просто жила в городе, который остался от Старого Кёнигсберга.

Когда я впервые прочитала стихотворение «*Einem alten architekten in Rom*», меня посетило чувство, будто я вижу поэта на развалинах Королевского Замка: наши тропинки вполне могли пересекаться, а мы беглым взглядом касаться друг друга - ведь территория Замка была, по существу, продолжением двора моего детства.

Сегодня, когда я читаю Бродского, мне интересно, каким он увидел город моего детства, моей юности. И многое узнаю.

“Из-за ограды смотрит вдаль коза, где зелень проступает на фольварке”...

Почему-то белые козочки любили лазать по выступам Биржи. Проезжая на трамвае мимо по мосту над Прегелем, всегда можно было их увидеть, и это удивительное зрелище вызывало знак вопроса: как они могли попадать на головокружительную высоту, что вообще они здесь делали?

“В соборе слышен пилорамы свист”...

Этот звук, сопровождавший нас во время вылазок к руинам Кафедрального Собора, и сейчас стоит в ушах. Это не просто звуки, это звуковая декорация, фон кенигсбергского послевоенного времени. Пилорамы в кирхах - это было так привычно. Пробираясь к Алтарю Собора, рассматривая сохранившиеся изображения магистров Тевтонского ордена, вскарабкиваясь по крутой винтовой лестнице на самый верх, под небеса, мы впитывали запах древесных опилок и стружки и, как от зубной боли, кривились от взвизгиваний пилы...

“... среди равнин, припорошенных щебнем, среди руин больших, на скромный бюст Суворова ты смотришь со смущеньем”...

Старая мутная, сделанная ФЭДом, не Цейсом, фотография. 1963-й год. Мы с подружкой,

стоим на широких ступенях Королевского Замка, вернее, того, что от него осталось. И внизу под горой памятник Суворову на пьедестале, воздвигнутом когда-то для Бисмарка, тоже схвачен ФЭДом: русский полководец озирает пейзаж после битвы.

* * *

Томас Венцлова приехал в Москву из Америки весной 2000 года. Цикл из семи стихотворений “Литовский дивертисмент”, написанный в 1971 году Бродский посвятил ему.

В Дом Сахарова меня пригласили на вечер “Бродский и Литва”.

Венцлова вошел в зал тихо и незаметно: так боги спускаются на землю... Начал без разгона: заявил неожиданно, что хотел бы говорить не о Бродском и Литве, а о Кёнигсберге, о трех стихотворениях Бродского: “В ганзейской гостинице “Якорь”, “Открытка из города К.”, “*Einem alten architekten in Rom*”. Я вздрогнула! Как было мне не удивиться и не подумать о метафизических совпадениях!

Это было потрясение. Целый час Томас читал незнакомой московской аудитории недавно выпорхнувшее из-под его пера эссе: о Бродском, о Кенигсберге, о трех стихотворениях, написанных поэтом под впечатлением от посещения этого удивительного города.

“Люди попадали под него, как под поезд” - это о влиянии Бродского на молодых литераторов. На Венцлову поэт повлиял тоже: “Я строил судьбу по Бродскому”. Венцлова рассказал о дружбе юных дней, о том, как, собираясь вместе в Вильнюсе, Паланге или Клайпеде, молодые и талантливые повесы мечтали съездить как-нибудь вместе в бывший Кёнигсберг, старинный немецкий город, сильно разрушенный во время войны и ставший после ее окончания советским Калининградом. Со слов Венцловы выходило, что, по крайней мере, дважды друзьям удавалось посетить Калининград с экскурсией из Паланги.

“Призрачный путешественник” в стихотворении “*Einem alten architekten in Rom*” обнаруживает сходство разрушенного города с Римом. Как истинный структуралист Венцлова поверяет алгеброй гармонию. “Оборванные” строфы усиливают мотив развалин, - замечает он, - а антиподы вода и камень рождают тему

времени. Он слышит ветер, который гуляет в строфах друга-поэта.

Венцлова - поэт подстать Бродскому. «Собор - обиталище Уллиса...» Это - о Кафедральном Соборе Кёнигсберга, разрушенном во время чудовищных бомбардировок. Увидеть так и так сказать может только большой Поэт. «Время вытесняется пространством». «Все видимое становится звуком»!

Материя и дух на пороге смерти - вот что могло интересовать Бродского в размышлениях о разрушенном городе, - считает Венцлова. Бродя по Кенигсбергу, не мог не думать поэт о Канте, о кантианстве, архитектонике чистого разума. Кант у Бродского не назван, однако, по мысли Венцловы, «Кант аннограммирован». «Торжество над распадом синтаксиса и истории» - вот что такое печальные размышления Бродского. Венцлова ищет и находит коды, расшифровывая которые, убеждается в том, что блудный сын, «незримый путешественник» ведет диалог не с кем-нибудь, а с мудрецом Кантом.

* * *

Томас Венцлова вспоминал, что «по-настоящему Бродский любил только три страны: Италию, Польшу и Литву». Сам Бродский признавался, получая в 1993 году почетную докторскую степень в Университете в Катовице: «Польша дорога мне».

Ирэна Грудзинская-Гросс говорит об «окольном пути», по которому русские приходили к тому, что Мандельштам (и вслед за ним Бродский) именовал «мировой культурой». В исследовании «И. Бродский и Польша. Под влиянием?» этот же автор пишет: «Во многих выступлениях и интервью он повторял, что учился у поляков чувству независимости».

Иосиф Бродский знал свой путь на Голгофу. Ему двадцать два.

В 1963-ем, он бродит по руинам Королевского Замка в Калининграде, следит за полетом чаек над Балтийской гаванью. Наверняка взгляд его ухватывает кромку воды, за которой теряется Польша.

В 1964-ом – суд, ссылка.

В 1989 году Иосиф Бродский пишет стихотворение «Облака».

О, облака/Балтики летом!/Лучше вас в мире этом/Я не видел пока./.....

Путь над гранитом, /над знаменитым/мелкой волной/морем держа,/

вы – изваянья/существованья/ без рубежа».

Раньше это называлось тоска по родине.

По-видимому, не случайно друзья Бродского, выпустив книгу «Холмы» в 1991 году, поместили «Облака» самым последним, завершающим поэтический сборник. Житель Нью-Йорка, странствующий поэт, удаленный на эйнштейновскую бесконечность от родных Питера и «провинций», Бродский, провожая взглядом облака, будто видит их путь через воды – от любимых людей к себе. Бродский не раз приезжал в Литву. Бывал в Вильнюсе, Каунасе, Паланге. У него здесь было много близких друзей. Сюда же из Польши на встречу с поэтом приезжали польские поэты и переводчики, тоже его друзья. Надо ли удивляться, что далеко за пределами родной страны, в изгнании, он думает о них: «Облака над Балтикой» - когда друзья формировали книгу его стихов «Холмы», эти стихи разместились на самой последней странице как жирная точка, обозначившая конец счастливой когда-то жизни в несвободной стране.

Раиса МИНАКОВА

Бродский в Литве

Лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский не был обычным русским поэтом, он был подлинным гражданином мира, вдохновение он черпал в общемировой культуре. Сочинение стихов было для него самым важным гражданским долгом. Важнее работы, учебы или государственной службы. Когда во время судебного процесса судья спросила, где он учился сочинять стихи и по какому пра-

ву называет себя поэтом, Бродский смутился и ответил: «Мне кажется, что это идет от Бога». Быть может, поэт и был инструментом – ручкой в руках у Бога, а возможно, жизнь ему была дана для того, чтобы он черпал из нее импульсы для своего творчества. Что-то похожее говорил другой лауреат Нобелевской премии Г.Г. Маркес, когда во время разговора с правителем Кубы Кастро, он заявил, что

«долг писателя, если хотите революционный долг, это писать хорошо».

Писатель, поэт пользуется лишь словом и языком, а язык, как часто говорил Бродский, живет дольше человека, а ритма вообще не уничтожишь. Иосиф Бродский так сам и жил – не по советской системе, а по своему внутреннему ритму. Он не мог подолгу сидеть на одной работе или службе. Естественно, что судьба привела Бродского и в Литву, где много лет назад жили предки поэта и даже знали литовский язык, это можно узнать из интервью Бродского журналу «Акирачай». Стихи Бродского пришли в Литву раньше, чем здесь появился сам поэт. Из воспоминаний Томаса Венцловы: «Я уже переписал всю тетрадь его стихов, когда произошли арест и судебный процесс над поэтом». Вильнюс Бродский посетил уже после ссылки в 1966 году. Здесь, в замкнутом кругу друзей, он читал свои стихи

и подружился с поэтом Томасом Венцловым.

«Его голос был поражающим даже больше чем его стихи»- вспоминает в своем дневнике Томас Венцлова. Связь поэта с Литвой не порвалась и после эмиграции в США. Бродский участвовал в съезде местного литовского культурного общества «Сантара-Швеса» и дал обширное интервью для журнала эмигрантов «Акирачай». Когда Литва объявила независимость и в 1991 году 13 января советские танки двинулись к телевизионной башне в Вильнюсе, Бродский подписал письмо с протестом для «Нью-Йорк Таймс». Литве, как и Калининграду, поэт посвятил ряд своих стихотворений. В литовском цикле наиболее значительны «Литовский дивертисмент» и «Литовский ноктюрн», посвященный Томасу Венцлове.

Леокадия РИМКУС

Перевела с литовского Инна Абрutiна

Дни литературы

Стало уже традицией проведение во второй половине октября «Дней литературы» в Калининградской области. Обычно в течение двух недель непрерывно проходят встречи писателей с читателями, конференции и семинары. Все это выливается в настоящий смотр литературы. Приходит осознание того фактора, что литература является одной из важных составляющих нашей культуры, главным хранителем языка и в нашем регионе, выдвинутом в центр Европы, становится надежным связным в деле взаимопонимания с приграничными государствами, обеспечивает духовные связи Прибалтики со всеми областями России, а также с русским литературным зарубежьем. В эти «Дни» закладываются основы для дальнейшего расширения круга читателей, для преодоления одного из недугов общества – «нечтения». Библиотеки области принимают и объединяют писателей и читателей. Участие в «Днях» столичных писателей и писателей из других стран делают эти «Дни» явлением, выходящим за границы области, они соединяют не только писателей с читателями, они образуют сплав с музыкальными и театральными произведениями, показывая общие направле-

ния в культуре края. И что самое важное литературные встречи охватывают многие города и даже поселки области.

На примере проведения «Дней литературы» можно реально ощутить, как отзывается слово в душах людей и как оно может способствовать атмосфере доверия и толерантности. В каждом году в эти «Дни» закладываются все новые и новые традиции в постижении литературы нашего края. Прокладываются мосты в прошлое, пополняется «литературная карта» области. Ведь почти каждый район нашего края связан с историей литературы. В Краснознаменском районе проводится «Гумилевская осень», в Гвардейске отдают дань памяти Твардовскому, в Чистых прудах в музее Донелайтиса встречаются литовские и калининградские любители поэзии, поочередно в различных районах области проводятся «Лермонтовские дни», ежегодно проводится «День Пушкинского лица», в Светлогорске проводятся «Курановские чтения», в Балтийске - поэтические встречи, посвященные творчеству Иосифа Бродского. Там на здании гостиницы, где останавливался поэт, укреплен мемориальная доска. Имен-

но в эти дни было очень многое сделано для закрепления памяти о писателях, живших в нашей области. Установлены мемориальные доски на домах, где жили и творили Всеволод Остен, Юрий Куранов, Маргарита Родионова, при библиотеках началось создание музейных комнат, посвященных писателям, одна из библиотек получила имя Снегова. Многим запомнились яркие творческие вечера с участием гостей из Москвы поэта Риммы Казаковой, литературоведа Лолы Звонаревой, артиста Михаила Казакова. Большой интерес вызвало общение читателей с польскими и литовскими писателями.

В прошлом году «Дни литературы» проводились в восьмой раз. Традиционно открытие прошло в зале филармонии. Здесь в торжественной обстановке премия имени Донелайтиса была вручена председателю Клайпедской писательской организации Римантасу Черняускасу за культурное и литературное сотрудничество литовского и русского народов в Калининградской области, за укрепление исторических связей между прошлым и настоящим Литвы и Калининградской области. Добавим к этому, что вот уже порядка двадцати лет лауреат переводит калининградских авторов на литовский язык, стал постоянным гостем в музее Донелайтиса и пишет роман об основателе литовской литературы. После торжественного вручения вечер повели молодые калининградские поэты, а затем перед залом предстал известный артист Георгий Тараторкин, в его исполнении проникновенно зазвучали стихи Блока и откровения Достоевского.

Продолжена была и работа по литературному краеведению. На этот раз в областной библиотеке была проведена конференция «А.И. Солженицын и Восточная Пруссия», приуроченная к 90-летию писателя, который в своем романе «Август четырнадцатого» дал картину боев в Пруссии в Первую Мировую войну, а во Вторую Мировую и сам стал участником сражений в этих местах. К дням литературы подоспело и издание в «Библиотеке правительства» двухтомника Сергея Снегова «Книга Бытия». Это откровение писателя, изданное впервые, открыло для читателей совершенно

иного Снегова, свидетеля жизни страны. Две конференции по этой книге прошли при полных залах.

В детской библиотеке Центрального района состоялась конференция «Библиотека-музей как форма сохранения и изучения литературного наследия края». Была открыта мемориальная комната, посвященная творчеству Юрия Иванова. Надо отдать должное нашим библиотекарям, их энтузиазм в деле сохранения литературного наследия весьма действенен. В Светлогорске и Зеленоградске, в областной детской библиотеке уже есть комнаты и уголки, посвященные творчеству Юрия Куранова, в библиотеке Московского района готовится комната Анатолия Соболева.

Как и во все прошедшие «Дни литературы» уделено было много внимания молодым авторам. На этот раз участники семинаров-плэнэров, проводимых ПЕН-центром в рамках проекта «Балтославия», авторы журнала «Параллели» и участники молодежного литературного объединения «Родник», которым бессменно вот уже четвертый десяток лет руководит поэт Сэм Симкин, читали свои тексты, вели дискуссию о путях развития творчества в «Литературной гостиной», которая открылась при библиотеке Снегова. Молодые поэты и школьники стали участниками поэтического праздника в музее Донелайтиса в «Чистых прудах», куда приехали также ученики из литовских школ.

В библиотеке Дома офицеров состоялось обсуждение книг, выпускаемых по программе ЛИК (личность, история, край). Участники одобрили изданные книги, дали предложения по дальнейшему развитию выпуска книг этой серии, столь необходимой для воспитания у юношества, да и у всего населения области любви к своему краю.

Кроме этих основных мероприятий, состоялись многочисленные встречи писателей с читателями в школах области, на кораблях флота, в библиотеках.

Прошли эти «Дни», и уже намечаются планы на наступивший год, в нем тоже много литературных событий, и все они требуют своего освещения.

Андрей АБРУТИН

Пир новеллистов в Клайпеде

Новелла по-итальянски означает новость, короткий рассказ, анекдот или лирическое приключение, очень похожее на стихи. Первые новеллы появились в Италии, когда в Европе свирепствовала чума, от которой Бокаччо с друзьями скрывался в загородном замке и весело проводил время, рассказывая разные веселые эротические истории, - так родился первый сборник новелл «Декамерон». Писатели более поздних лет внесли новые цвета в палитру новеллы, как образца короткого жанра. Романтик из Кенигсберга Э.Т.А. Гофман и американец Эдгар По обогатили ее мистикой и философским подтекстом. Французский реалист Г. Мопассан, японский классик Р. Акутагава, русский классик А. Чехов снабдили лаконичными и психологически меткими характерами героев. Австрийский писатель Ф. Кафка обогатил картинами гротеска и абсурда, стилистически до совершенства довел и отшлифовал новеллу аргентинец Х. Борхес.

Нынешняя новелла может показаться скучной, как таблица умножения, комичной, как анекдот, таинственной как морские глубины, мудрой, дидактической или по-детски наивной. Емкое содержание и лаконичный стиль новеллу приближает к поэзии. Новеллу, как и стих, можно громко читать слушателям, можно ее и слушать, не теряя сюжетной нити, потому что новелла остается в памяти, как барельефное изображение или руны, выбитые в камне. Новелла пронизывает тебя сразу или исчезает, не оставляя следа, когда она неудачна.

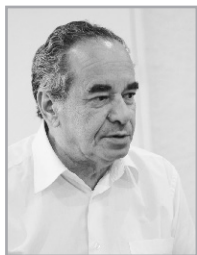
Может быть, потому чтение новелл собирает полные залы слушателей, может быть, потому уже третий десяток лет новеллисты собираются в Клайпеду и вместе со слушателями запираются в библиотеке имени Симонайтите, где весело проводят время, рассказывая друг

другу различные истории. Это уже стало традицией. Традиционно в этих сборищах вместе с местными писателями участвуют новеллисты из всей Литвы и из других стран. За многие годы здесь побывали писатели из России, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, Швеции, Исландии, Германии, Украины. Короткие истории рассказывались на разных языках и в переводе на литовский язык. Позднее эти новеллы приходили к читателю на страницах литературного альманаха «Балтия».

Большой пир новеллистов этой осенью проходил перед выборами в Сейм Литовской республики, быть может, по этому в творчестве писателей мы видели и политические, и анекдотические, и соревновательные мотивы. Новеллисты прибыли: из Вильнюса – Геркус Кунчус, из Таллинна – Рээт Куду, из Лиепай – Сандра Алксня, из Калининграда – Олег Глушкин. Чтения проходили, как спортивные соревнования - жюри, которое выбрали слушатели, определило лучшую новеллу на заранее данную тему. В тот день темой было стекло. Для некоторых новеллистов стекло было зеркалом, в котором отражается прошлое (Г. Кунчус, А. Куклис, О. Глушкин), для других хрупкие отношения между людьми. (Н. Кепеня, С. Алксня, Р. Кууду) для некоторых - рюмочка, из которой выпиваем водку... Публика реагировала оживленно, жюри работало на совесть, и в конце объявило лауреатов: одних только красивых женщин: Рээт Куду, Нийоле Кепененю, Сандру Алксня и дебютантку Герду Куршайтите. Приятно, что рассказ молодой дебютантки уже можно прочитать в «Параллелях» №3. Отдельные новеллы наших чтений мы предлагаем нашим читателям.

Римантас ЧЕРНЯУСКАС

Перевел с литовского Андрей Абрutin

Олег ГЛУШКИН

Двойники КАНТА

Если внимательно присмотреться, в городе обнаружится много людей, похожих на Канта. Правда, они почти все выше ростом. Но такие же голубоглазые и элегантные. И также утром прогуливаются по берегам Нижнего озера, бывшего Замкового пруда, и даже проходят дальше к старому форту, не подозревая, что бредут по философской тропе. Есть среди двойников Канта и профессора. Один из них – ну просто копия. Одинакового роста со «всесокрушающим кенигсбергским Сократом». Умеет также, как Кант, все запутать. Из простого сделать сложное. И заставить сомневаться даже в самых избитых истинах. И правильно делает – тот, кто не сомневается, ничего не откроет и проживет на Земле без пользы.

Все двойники Канта хотят долго жить. Поэтому – соблюдают диету, не курят и не пьют. Свидетельства современников Канта о том, что философ зачастую в подпитии не мог найти своего дома, считают выдумкой. Забывают, что настоящий философ и в трезвом состоянии может заблудиться в городских улицах. У Канта были ориентиры – кирхи и Замок, впусти его сегодня в город, он даже не поймет, где находится. Мысли его, дух его витают над стандартными коробками домов и консервными банками супермаркетов. К концу жизни философ почти высох, дунь на такого, и он полетит, как ангелочек. Он, возможно, и был ангелом. Избегал женщин. Выгнал своего верного слугу отставного солдата Мартина Лампе, когда узнал, что бедолага захотел жениться. Тот появился утром в новом желтом халате, вместо обычного белого с красным воротником. Философ не любил таких резких перемен. Спросил своим тихим, но строгим голосом, что это за императив такой. Женюсь, признался Лампе. И на этом его сытая жизнь закончилась. Выгнал его великий философ. Сейчас создано в нашем городе общество по защите Лампе. Мол, как можно было лишать ветерана службы! Пора восстановить справед-

ливость... А разве был Кант несправедлив? И надо ли Лампе защищать? Ведь благородный философ завещал прусскому солдату немалую сумму. И не исключено, что Лампе получил свою пожизненную пенсию – четыреста гульденов в месяц. В наше время и офицеры такой пенсион не имеют, не то что простые солдаты.

У нас и профессора столько не получают. Вынуждены выращивать морковь на своих садовых участках. Морковь необходима для улучшения работы мозговых извилин. Кант это нам открыл. Морковь в нашем рационе должна быть всегда. А вот обедать так, как обедал философ – по четыре часа тратя на прием пищи и умные разговоры, улучшающие пищеварение, мы позволить себе не можем. У нас не обеды, а ужины с бобовым королем. Собираются двойники Канта в гостинице, названной в память о старинном университете «Альбертиной», пьют глинтвейн и едят пироги, набивают живот тестом в вечерние часы, а потом ворочаются в своих постелях до самого утра. В одном из кусков пирога запечен боб – серебряный боб, о который можно сломать зуб, но который дает право на следующем поедании пирога высказывать свои четкие суждения о сочинениях великого философа, которые он сам, вероятно, не всегда понимал.

Ему всегда мешали сочинять ясные и всем понятные трактаты. То он жил в доме, окна которого выходили на реку, и все время слышались нецензурные крики грузчиков и шум пароходов, которые гудели, проходя мимо его дома, приветствовали философа. Думали капитаны, что делают ему приятное, а на самом деле сбивали его мысли. Переменил квартиру, опять неудачно, соседский петух горланил под окнами с утра и до самого вечера. Кант предлагал любые деньги, чтобы зарезали петуха. Глупый бюргер – владелец дома, уперся рогом, словно тупой козел. К нему депутаты из магистрата ходили – уговаривали, бесполезно. Сегодня никто

и фамилии этого бюргера не упомнит, а зарежь он петуха, многие бы его прославили. Снимать квартиру – последнее дело. Философ купил двухэтажный дом, на Принцессенштрассе, возле самого Королевского замка, в тихой улочке, утопавшей в садах, и при доме был свой приличный садик. Такое место в наши дни не всякий олигарх сможет купить. И опять не повезло. Тюрьма была напротив дома, и по утрам там заключенные пели молитвы, да еще окна открывали, чтобы Бог лучше слышал. Пришлось ходить в магистрат, толкаться в чиновничьи кабинеты, пока не вышел указ тюремному начальству – закрывать окна при песнопениях. Как говорится, нам бы его заботы.

Например, профессор, его двойник, живет напротив парка культуры. Раньше здесь во времена Канта было кладбище, и вероятно, философы в поисках тишины селились в окрестных домах, а теперь – попробуй, сочини что-нибудь под звуки духовых оркестров и визг детворы, резвящейся на качелях. Приходится закрывать наглухо окна, но это мало помогает. К тому же в парке на скамейках сидят шахматисты и день и ночь двигают по черно-белым полям деревянные фигурки. Это так заманчиво. Играют на деньги. Если бы Кант играл в шахматы, то число его сочинений было бы не столь велико. Но зато было бы все понятно, ведь шахматы оттачивают мысль, «шахматы, они вождам полезны», как сказал пролетарский поэт. И все же жизнь – это не развлечение. И как говаривал Кант: «Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы иметь их».

Вот мы имеем свои желания. Пожелал профессор – двойник Канта иметь огород, выделили ему шесть соток, огородил он поле, вырыл колодец, посадил яблони, вот думал, сделаю беседку, поставлю столик и сочиню трактаты не хуже кантовских. Тишина-то вокруг какая – божественная! Ан нет – одно дело желать, а другое осуществлять. Поставили рядом некое сооружение, оказавшееся нефтяной вышкой, и такой вонью и грохотом все вокруг наполнили, что комната в доме у парка раем показалась.

Еще более странной может показаться вам судьба одного доцента, ставшего двойником Канта вполне осознанно. Был это веселый молодой доцент. Преподавал в прошлом веке марксизм. Все казалось ему предельно ясным. Занимался

он спортом. Имел первый разряд по скалолазанию, даже чемпионом был в этом оригинальном виде спорта, но на беду свою увлекся рисованием. Стал рисовать портреты Канта. И все время изображал великого философа маленьким морщинистым старичком. То нарисует, как Кант во время обеда за столом дремлет, то представит его за кафедрой в три погибели согнувшегося, чтобы прочитать заготовленные заранее неопровержимые выводы, то еще хуже, Канта голубой краской живописует – сонного, с закрытыми глазами вроде как мертвеца. И так рисовал этот доцент лет десять и даже выставку кантовских портретов сделал в художественной галерее. И звание заслуженного получил. И все восхищались – мол, какое виденье, какая прозорливость. И стали замечать – доцент усыхать стал. Все тоньше и меньше становится. Облысел, пришлось ему парик носить. И настолько он стал похож на Канта, что теперь ставит перед собой зеркало и рисует, хочет свой автопортрет создать, как и все великие художники, а получается Кант. И не марксизм, естественно, он теперь преподает, а критику чистого разума, которую, кстати, сам ни разу не удосужился прочесть до конца.

Другой профессор утверждал, что прочел все труды Канта, и все в них понял, он даже имя себе хотел взять второе – Иммануил, вроде, как Гофман, который так обожал Моцарта, что стал зваться Амадеем. Так вот этот профессор тоже искал тишины. А напротив его дома затеяли супермаркет строить. И вот этот кантовед собрал народ и встал грудью на защиту зеленого пространства. Землю он отстоял, но после этого перестал понимать многие трактаты Канта, где говорилось о разумности всего сущего.

И понять нашего профессора можно! Уж какая тут разумность. Доживи великий Кант до двадцатого века и узнай эту разумность, у него бы волосы на парике дыбом встали. Рвы с убитыми и газовые камеры – вот и весь «практический разум». Да еще с пьедестала памятник сняли и так зарыли, что потом и не отыскать было. Пришлось новый отливать.

И все-таки жизнь продолжается, по утрам бегут трусцой вдоль берега озера, жаждущие прожить как можно дольше, степенно бредут двойники Канта, выгуливают собак их жены, а дети залезают на пьедестал памятника великому философу и задорно хохочут.

Альгис КУКЛИС

Человек с обезьянкой

Летняя жара привела меня к морю, хотя в такое время я не люблю наш курорт, тысячи людей там возятся у берега; а когда небо заволакивается тучами, то все бары и кафе становятся похожими на набитые сельдью бочки, поэтому я подумал: побуду здесь недельку, а потом смотаюсь домой, где меня ждут железобетонные заботы. Приехал я попозже, когда улицы и улочки стали пустынными, а возле моря гуляла только маленькая группа людей. Я вслушивался в шелест волн или деревьев и, сидя на скамеечке, перелистывал книгу – мне казалось, что жизнь принадлежит только мне и никто не заставит меня делать то, чего не хочешь... Но хотя я отключил мобильный телефон, мысли всё-таки возвращались к дому, к работе, словно в мою голову была вмонтирована какая-то маленькая микросхема, которая не даёт спокойно отдохнуть. Но на следующий день я увидел человека, у которого не было не только этой надоедливой микросхемы, но и другого балласта и его неудобства – по сравнению с заботами в моей голове – были совсем смешными. Я шлялся по улицам, читая афиши, которые предлагали прийти, посмотреть, послушать и, – конечно, – не задаром, а чтобы вытряхнуть свои деньги в чужие карманы, а те отдадут их другим. Такие вот маленькие и большие круги движения денег и поддерживают жизнь любого государства – флегматично обдумывал я заезженные истины, глядя на светло-голубое небо, сияющее никелевое море и ослепительно-белый песок. Потом я спрятался от палящего солнца в крытом павильоне, в котором был небольшой буфет и пять пластмассовых стаканов; в такой день выпить бутылочку пива может каждый мужчина, у кого не прохудился желудок и не испорчен мочевого пузырь. И хотя крыша павильона и защищала от солнечных лучей, однако не могла защитить от духоты. Со стороны моря не было

ни ветерка – море превратилось в спокойное, гигантское озеро, которое рассекали водные мотоциклы и лодки спасателей, а когда я заметил, что с крыши спасательной станции кто-то отважился прыгнуть с парашютом, я подумал, что у меня начались галлюцинации от жары, и что в скором времени увижу слонов и оранжевых жирафов. Тут и появился в павильоне седой и худой мужчина, на плече которого несмело сидела серая, а может быть, поседевшая обезьянка, привязанная верёвочкой; его одежда была выцветшей на солнце, в другой руке он держал небольшую корзинку, из которой достал пустые бутылки из-под пива и, отдав их продавцу, получил бутылку пива и несколько бананов – и не оглядываясь, не спеша побрёл по берегу, словно был паломником или даже человеком не от мира сего. Возможно, за дюнами, в тихом местечке он играл со своей обезьянкой, думал я, потягивая пиво, пытаюсь понять жизнь этого человека, на летнем курорте ему удобно проводить свои дни, однако что ему делать, когда наступают холода и ветры – куда ж ему тогда деваться, может быть, приютиться у какой-нибудь сердобольной пенсионерки, которую заботят цветы, внуки, здоровье и церковь. Может быть вместе с пенсионеркой он прочитает «Отче наш», а потом, позавтракав, снова пойдёт своим путём.

Я встаю, напившись пива и иду домой спать, потому что не люблю пляжной жары: люди в такую жару становятся очень похожими на ленивых тюленей, которые хрюкают и перекатываются с бока на бок с выпученными глазами.

Мужчина с обезьянкой надолго остался в памяти, время от времени он показывался на улице метров за пятьсот – и снова исчезал, а я строил планы, что появлюсь тут в сентябре-месяце, когда будет меньше отдыхающих, когда томно вздохнёт осень и можно будет заме-

тить, как изменяется курортный парк с белыми скамеечками, тогда и приятно будет зайти в какой-нибудь бар и попросить чашку доброго кофе, который выпью, листая журнал или глядя на улицу. А теперь осталось несколько дней – и я вставал рано утром и шёл к морю, волны которого спокойно омывали берег; по взмору бегали отдыхающие, потом в море прыгал один-другой смельчак, для меня главным было – погулять и подышать чистым воздухом, который словно был насыщен мёдом. В последний день, когда я пришёл проститься с морем, в которое, по обычаю, бросил несколько центов, мимо меня прошёл тот человек с обезьянкой, только на этот раз он был в тёмном свитере. Я долго смотрел ему вслед, пока силуэт человека не исчез за дюнами и понял, почему он встал так рано – ведь он хотел первым собрать пивные бутылки, которые валялись на песке и в мусорных ящиках, а бутылки помогала собирать и обезьянка, с её проворством никто не сравнится.

Под мещанское понятие «нормального» я не подпадал, так как нормальные люди приезжают отдыхать группами, и я видел семьи, которые умеют отдыхать, не утруждая ни себя, ни других – они тихо говорят, тихо едят и спят, как мышки. Такая семья жила по соседству, когда в сентябре я снова приехал к морю. Только на этот раз я был не один, а с семилетним сыном, которого было достаточно однажды сводить на аттракцион – и после этого мы должны были там появляться ежедневно и спускать деньги, в противном случае меня весь день сопровождали бы нытьё сына и похожие на молитвы его жалобы на то, что я о нём не забочусь, что я к нему равнодушен. Я полагаю, он успел научиться этой хитрой молитве с оттенком демагогии от своей мамочки, которая считает, что прекрасно знает все обязанности отца; эти обязанности знаю и я, однако и отец должен хоть когда-нибудь отдохнуть от напряжённой работы, поскольку короткое замыкание случается не только в электросистемах, но и в человеческих головах. Статистика утверждает, что в мире проживает более пяти миллионов шизофреников, только я думаю, что их намного больше, их особенно

много в мегаполисах, где человеку не хватает тишины и минимального пространства, поэтому города уже стали монстрами, которые пожирают или калечат жителей.

Теперь смотрю, как ест сын – и этот вид мне очень по душе. Я чувствую себя его отцом, а это архаичное чувство, должно быть, унаследовано с древнейших времён, когда мужчины племени возвращались с удачной охоты. Ведь никто ещё не сказал, что запрограммировано в наших генах, какие в них плюсы и минусы, чего там больше и чего меньше. Компьютеры уже пытаются все эти гены сосчитать, а я считаю деньги – чтоб их хватило до конца каникул, чтоб не понадобилось идти в банк с кредитной карточкой; сын опять тащит меня к этому проклятому аттракциону, который за день неплохо заколачивает, а если лето хорошее, так зимой аттракционов и не надо, можешь отдыхать или заняться чем-то другим, так как денег достаточно, надо только ставить аттракцион в хорошем месте – и твоё дело процветает. А для курортника на каждой улице на кошелек кто-нибудь покушается – поэтому заплатить ты должен всем, и я пытаюсь объяснить это сыну, однако понимает ли он что-нибудь, поглощая мороженое и выпучив глаза, оглядывается по сторонам, словно ищет знакомые лица в толпе, и я смирился с мыслью, что через десять лет ещё более постарею и мы оба не найдём общего языка, если только в будущем он не будет просить денег, а когда я закончил пить пиво, сын предложил сдать бутылку – я кивнул, он проворно унёс бутылку в стеклотару, а центы оставил себе; этот эпизод напомнил мне о детстве, когда мы с братом лазили по трибунам стадиона в поисках бутылок или потерянных денег, потом покупали сладости. И тут неожиданно перед нашими глазами вырос человек с обезьянкой, в пункт стеклотары он принёс целую корзинку пивных бутылок, за которые купит поесть – так что сын просто замер на месте, а я не знал, что делать: идти к нему или ждать, что же будет дальше, ведь меня такие неожиданности постоянно выбивают из колеи, потому что быстро я ничего не делаю, люблю хорошенько подумать, а между тем человек с обезьянкой исчез с глаз.

Сын немедленно атаковал меня, чтобы я

пояснил ему, что это был за человек, не подумав, я пообещал ему, что на следующий раз мы этого человека обязательно выследим и спросим, куда он идёт и чем занят, по-другому говоря, станем сыщиками – и эта мысль сыну очень понравилась, поскольку в одном из кинофильмов он видел сыщиков, поэтому приказал мне изменить внешность; надо приклеить бороду или же одеться по-другому, однако я ответил ему, что сыщик, во-первых, должен быть наблюдательным, осторожным и изобретательным, а внешность менять не обязательно, просто сыщика никто не должен заметить – и такими замечательными шпионами были японские ниндзя, которых обучали с детства, готовили к этой опасной профессии; сын некоторое время внимательно слушал, а потом стал просить карамельного мороженого, поэтому мы купили мороженое и съели его, сидя на скамейке, позже прошли в сторону парка, надеясь увидеть там лазающих белочек, однако в кустах ясно увидели парочку, делавшую подозрительные телодвижения; а на вопрос сына «что они там делают» я быстро ответил, что собирают грибы, поэтому и он предложил мне поискать грибов в парке и странно, что на поляне мы нашли несколько сыроежек, но не знали, куда их положить, так повесили их на ветви кустарника, может, белочки догадаются их взять, ведь и они сушат грибы, собирают орехи, потому и прав сын, сравнивший этих существ с гномиками, однако в тот раз мы ни одной из них не заметили и сын вернулся из парка расстроенный, пришлось успокоить его плиткой шоколада.

Ночью меня поднял сын, который увидел во сне летающих человечков, однако утром, когда я просил его рассказать подробнее, он не многое смог вспомнить, а я размышлял, что будем делать сегодня, так как в кинотеатре уже были, видели и один концерт – так неужели снова придётся идти к аттракциону, на который даже посмотреть тошно – так что ничего другого не остаётся, как играть в сыщиков, а значит, мы будем искать человека с обезьянкой. Мы позавтракали и, надев тёмные очки, вместе отправились к морю; я оглядывался на красивых молодых женщин, а сын стал главным сыщиком, наблюдательности которого могли

бы позавидовать и ребята из КГБ. Однако после нескольких часов мы устали и уже искали место в тени; я даже начал сомневаться, а не надоела ли маленькому сыщику эта игра, позже сказал ему, что нам следует обратить внимание на крытые павильоны на пляже, потому что тот мужчина собирает там пивные бутылки – и мы устроились в таком месте, с которого можно было видеть находящиеся в стороне павильоны. Я наблюдал за правым, сын – за левым, а чтобы не надоело, мы купили пива и мороженого: теперь мы выглядели как настоящие шпионы и сын бахвалился, что он первым увидит того человека, я, соглашаясь, кивнул и снова загляделся на девушку лет двадцати, пришедшую в павильон купить мороженого и сигарет, и даже не заметил, как почти выпил бутылку пива и уже подумывал о другой, только другого сорта. И вдруг увидел я медленно идущего человека с обезьянкой и корзинкой в руке. Он приблизился к левому павильону и осмотрел его со всех сторон, а потом двинулся к нам, так что я сразу предупредил сына, чтобы смотрел во все глаза, пустую бутылку я поставил на стол, чтобы она была приманкой для того человека – и когда он на мгновение замер у нашего столика, сын спросил его, не продаст ли он обезьянку, он тотчас холодно ответил, что друзей не продают – и в тот момент я пригласил его присесть и выпить пива. Сын неустанно расспрашивал мужчину, как зовут обезьянку, сколько ей лет, что она ест, и тому подобное; позже и я разговаривал с ним, попивая пиво, сын тем временем играл с обезьянкой, однако незнакомец был неразговорчив – из него надо было тянуть слово за словом, а чтобы он не чувствовал себя как на допросе, я заговорил о теперешнем лете, отдыхающих и об их непонятном поведении, и когда я положил в его корзину пустые бутылки, он поблагодарил и через некоторое время удалился, так как собирание бутылок было для него важнее, нежели разговоры об отдыхающих и скучающих. Потом я утешал сына, которому очень понравилась обезьянка, что утром он снова её увидит, ведь в то же самое время завтра мы опять будем в павильоне, будем есть мороженое и ждать этого человека с его умной обезьянкой. Мои слова были прерваны сиреной машины скорой помощи, которая неслась по

краю пляжа в сторону спасательной станции, а через полчаса я узнал, что в то время, пока мы болтали, потягивая пиво, утонула шестнадцатилетняя девочка. Сын очень удивлялся, почему она утонула, когда вокруг столько много народу. Наверное, далеко заплыла и нахлебалась воды, а может, случились судороги и она испугалась, ответил я ему и подумал, что утопающего не каждый решится спасти – тут нужен хороший пловец, – а пока спасатели окажутся на месте происшествия, тонущего уже не спасти. Сын попросил мороженого, я взял ещё бутылку пива, и вдвоём мы думали, что будем делать дальше, наконец, маленький сыщик предложил сходить в кино – и мне пришлось поддержать эту идею, так как не было другого выбора, а кино – параллельную реальность – любил и я, но если мне не нравился сюжет, то я засыпал в ожидании конца сеанса, и хорошо, что на этом фильме не надо было этого делать, так как показывали дрессировщиков зверей и когда на экране появился человек с обезьянкой, сын подпрыгнул в кресле и начал громко выражать свой восторг и, слава Богу, что того артиста не растерзал тигр или не растоптал какой-нибудь слон, потому что в таком случае сын разревелся бы, однако, когда киносеанс закончился, мы попали под дождь, который пришлось переждать; мы слушали музыку дождя и смотрели на спешащих людей, которые бежали по улице, накрыв головы чем попало, это выглядело комично, хотя никто из них не смеялся, потому что дождь на мгновение всех объединил, а продрогший сын прильнул ко мне: возможно, он думал, что и дождь иногда бывает красивым, особенно тогда, когда его капли просвечиваются солнечными лучами, когда многотонное падение капель очень приятно для слуха – и этот вид почему-то напомнил мне цветную гравюру известного древне японского художника Хокусаи: старая истина – мы много чего не замечаем, пока не остановимся и не задумаемся.

У меня была семья, много вещей и всяких обязанностей, а теперь у меня и весь мир, хотя многие думают – только эта обезьянка, говорил тот мужчина, когда выпил бутылку пива, вам, наверно, трудно поверить, однако вещи

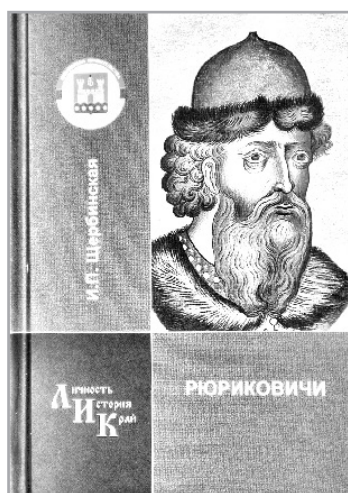
губят людей, потому что те жертвуют для вещей абсолютно всем, вещи человека – это его Апокалипсис, а может, вы думаете по-другому, вперил он в меня подозрительные глаза, я только развёл руками и предложил ему ещё бутылку, потом согласился с ним, что количество вещей постоянно увеличивается, говорил, глядя на проплывающие облака, которые снова обещали дождь, что каждый из нас выбирает ему понравившуюся, более удобную жизнь, но в тот же момент я услышал его ответ: слова «прогресс» и «удобства» часто слышишь из человеческих уст, однако действительно ли люди знают, что за ними кроется. Губы мужчины искривились в ироничной улыбке, которая меня обезоружила, поэтому я молчал, как провинившийся пацан, ведь этот «прогресс» не спас утонувшую в море девочку; тогда я спросил, не хочешь ли пива, он отрицательно мотнул седой головой и посмотрел на обезьянку, с которой играл мой сын – и я тотчас понял, какая связь объединяет этого мужчину с привязанной обезьянкой: она крепче даже той верёвки на шее животного, однако я молчал и думал, что в следующий раз не захочу с ним встречаться, чувствую себя как побеждённый мещанин, которого заботят только удобства, сладкие блюда и различные удовольствия. Неужели люди не могут жить по-другому, задумался я, когда человек встал со стула и, кивнув, медленно удалился по улице, не оглядываясь на зевак; его походка была иной, так, наверно, ходили аристократы, которым не надо было куда-нибудь спешить – ни на работу, ни на заседания, а когда я взял ещё одну бутылку пива, предложив сыну мороженое с фруктами и шоколадом, снова начался дождь и я, глядя на него и на сына, думал, что с дождём уплывает человеческое время и теперь я понимаю, почему все большие и малые любят кино, но не все – дождь, а в то мгновение дождь был похож на нежный джаз. Я медленно пил пиво, глазел на улицу и сидел бы долго, но сын начал хныкать – и пришлось тащиться к аттракциону, а я чувствовал себя ни пьяным, ни трезвым, так и не знал, чем же заняться; потом повезло кое-как оторвать сына от аттракциона, который был ему милее всего мира. Эти хитро сконструированные механические штуковины, кру-

тящиеся и вертящиеся, словно управляют душой ребёнка. Но ведь похожие блестящие или цветные шутовины очаровывают и взрослых, только у них другие названия и методы управления; и в этом отношении обезьяны, живущие в джунглях, были свободнее нас, сходящих с ума по всяким шутовинам, аппаратам и механизмам; казалось, что природа или дьявол над нами цинично насмеваются: превратили в умных обезьян, чья жизнь стала кошмарной, обманчивой и жалкой, но таких мыслей сын бы не понял, они были бы странными и моим соседям, квартиру которых несколько месяцев назад обчистили воры, поэтому, когда мы

вернулись, уставшие, я упал на диван и тотчас заснул, а сын глазел в светящийся экран телевизора; позже, не зная, чем заняться, я задумал побриться, взял электробритву, закрылся в ванной, и здесь — неожиданно — увидел в зеркале сидящую у меня на плече ту самую серую обезьянку, только на этот раз она была без верёвочки на шее, я, обомлевший, хлопал глазами, а когда протянул руку, то она исчезла — значит, это была галлюцинация, однако много чего мы можем объявить галлюцинацией, но только я не хочу этого делать, пусть это делают другие.

Перевел с литовского Clandestinus

Рюриковичи

Интересно задумана и написана книга Ирины Щербинской «Рюриковичи», изданная в серии ЛИК в библиотеке областного правительства. Автор, историк по образованию, долгое время работала в историко-художественном музее, и чувствуется, что ею

проведено тщательное исследование. В книге подробно рассматриваются различные версии происхождения легендарного родоначальника русских князей и царей Рюрика, в том числе и представляющее особый интерес для наших читателей «варяжско-прусское». Приводятся данные об изображениях Рюрика, начиная с миниатюр Радзивилловской летописи и заканчивая скульптурой в монументе «Тысячелетие России». Династия Рюриковичей правила Киевской Русью и русскими княжествами свыше семисот лет. Автор четко прослеживает судьбы представителей династии, выделяя тех, кто в своей деятельности был связан с Восточной Пруссией. Здесь и студенты, обучавшиеся в «Альбертине» и полководцы – герои Семилетней войны и войн с Наполеоном: князя Репнин, Хилков и Долгоруков, будущий декабрист князь Волконский и целый ряд других потомков Рюрика. Есть среди них и те, кто прославился своими литературными трудами. Это Вяземский, Одоевский, историк Щербатов. Все они достойны были своего высокого происхождения, ибо беззаветно служили Отечеству и умножали его славу.

Поэт и воин

Так называется новая книга Инны Головки, также пополнившая серию «ЛИК» (личность, история, край), эта серия представляет для читателей знаменитых людей, чья жизнь была тем или иным образом связана с нашим краем. Очерк рас-

крывает судьбу и главные этапы творчества выдающегося поэта серебряного века Николая Степановича Гумилева. Создатель неповторимых хрестоматийных строк, ставший для многих поэтов учителем, он был «одним из самых вольных и гордых людей своего времени». Основатель акмеизма он во всем стремился добиться совершенства.

Автору книги удалось в малом объеме текста суметь отразить все биографические вехи пути поэта, а также выразить свое отношение к его творчеству. Хорошо показано становление поэта, его стремление к путешествиям, его рыцарское отношение ко всем жизненным ситуациям. Четко прослежены сложные взаимоотношения Гумилева с товарищами по «Цеху поэтов» и не менее сложные с возлюбленной поэта Анной Ахматовой. Для калининградских читателей наибольший интерес вызовут описанные детально события Первой мировой войны и участие в поэта в боях на территории бывшей Восточной Пруссии, а ныне Краснознаменского района Калининградской области. Храбрость поэта, подтвержденная двумя Георгиевскими крестами, конная разведка, на-

ступление - все это нашло яркое отражение в представленном очерке. Подробно изложены и события, связанные с гибелью поэта, ставшего одной из первых жертв большевистского террора. Приводятся его показания и заключенные следствия. Поэт был расстрелян в период взлета своего творчества, лучшие стихи были созданы им в роковые для России годы.

В Калининградской области хранят память о великом поэте-воине, установлены мемориальные доски, проводятся литературные встречи «Гумилевская осень», издание очерка о его жизни еще один вклад в историю края. Очерк написан ясным и понятным языком и рассчитан на широкую читательскую аудиторию.

Александр АНИСИМОВ

«... под каблуком земля поет с листа ...»

Слышны разговоры кругом, что спадает интерес к поэзии, что она уже ничего нового нам открыть не может, что со смертью Блока покинул нашу землю последний поэт, и уж в провинции вообще о поэзии говорить не стоит. Но поэзия опровергает эти наветы. Одна поэтическая волна сменяет другую. И вот приходит новое поколение

поэтов – и громко оповещает мир о себе. И в этой плеяде все отчетливее звучит голос Игоря Белова. Сегодня он обрел популярность не только в Калининграде, но и в столице, и в зарубежье. Его стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «Континент», «День и ночь», «Север» и других. Он лауреат всероссийской литературной премии «Эврика!» (2006), дипломант международного Волошинского конкурса (2007, 2008), стипендиат Министерства культуры РФ (2003) и Шведского института (2007), участник ряда

литературных акций в России и за рубежом.

Новая книга его стихов, выпущенная по правительственной издательской программе, подтверждает явление настоящего поэта. Сегодня он безусловный лидер калининградских поэтов. Его долго называли молодым поэтом, но вступил он уже в возраст Христа - и строки его наполнены не только музыкой, не только джазом, но и достигли той высокой ступени творчества, когда эта музыка сливается со словом и являет образцы метафор и обвал искренних чувств. Поэт с полным правом заявляет «под каблуком земля поет с листа» Такие стихи очищают дыхание и будоражат чувства. «Музыка не для толстых» наиболее полновесный сборник его стихов. Городской гротеск, жесткий, а иногда и жестокий гиперреализм, экспрессивная стилистика подтверждают: поэт выражает свое время, его невозможно оторвать от своего века. Герой его поэзии всегда идет с открытым забралом, а потому легко раним. Его строки входят в нашу жизнь, запоминаются и звучат в ней уже постоянно.

И хотя Игорь Белов сменил привычную для всех кепку на европейскую шляпу, кепка из-под шляпы все равно виднеется. Впрочем, двойной головной убор еще раз подчеркивает происхождение поэта, рожденного не только Питером, но и странным городом на берегах Прегеля. Здесь, на стыках Европы и России только и могли родиться беловские стихи, в которых действие происходит в городе «перелицованном войной», в городе, который «вроде ордена приколот к сюжетной ткани бытовой», именно здесь «дождь традиций европейских, весь в занозах от распятий, хлещет на родную паперть, дым отечества губя». Но этот дым не истребим, он во всей поэзии Белова. Критики называют его «городским Есениным», другие критики примеряют на него шинель Окуджавы. А у него свой путь и свои одежды. Этот путь проложен через мосты, соединяющие европейскую поэзию метафор с напевностью российской поэзии, а также поэзию шестидесятых-семидесятых годов с новой волной молодой российской поэзии. В последнее время он занялся наведением еще одного важного моста, его переводы из восточнославянской поэзии знакомят нас с молодыми поэтами Украины и Белоруссии. Часть этих переводов включена в изданный сборник.

Краски и слова

Бывает часто и так: художник и писатель живут в одном человеке. Что сильнее – слово или цвет, как определить... Рисуют на полях рукописи, пытаются иногда словами заменить цветное изображение мира. Так Юрий Куранов, сам отличный рисовальщик, в повести о художнике «Озарение радугой» описал красочно известные картины знаменитых художников. В книге Людмилы Филистеевой – другой вариант. Художник не соперничает со словом, потому что она и есть художник. Картины в книге изумительные – они из снов, из детства. И недаром книга называется «Окно в детство». Полусны, воспоминания от которых душа наполняется колокольным звоном, сама звенит в пространстве, заполненном солнцем. И оживают простые деревенские люди, родное село. «Я долго ходила по цветному полю, обнимая уставшей душой каждый цветок, пьянела от счастья и синего утра...» пишет она в рассказе «Сиреневые души», в городе ей тесно, совсем другой вид из окна – не цветы, а мусорные ящики. Люди, оторванные от земли, ищут спасения в дружбе. Сама же автор живет тем, что может свои воспоминания переложить на холст: «Силуюсь вспомнить запах полевых цветов: терпкой пижмы и клевера медового. Снова рука тянется к краскам... Я лихорадочно стараюсь уловить нахлынувший свет. Мазок, еще мазок.. И букет полевых цветов ожил, заблагоухал знойностью лета...» Путешествия по Прибалтике не могут стереть пейзажей детства. Из городов хочется вырваться. «Превратиться бы в ветер – и к морю, волны шпынять, удивляться запаху цветущего шиповника». В рассказах у художника и слова наполняются цветом. И уже не видно разницы между картинами и текстом. Завораживающая проза перетекает в цветные видения.

Николай ПОНАРИН

Между поэзией и мистикой

Сегодня представляем двух авторов и даже три книги: Нийоле Клюкайте и ее книгу «Между» и Clandestinus с его книгами «Summis desiderantes affectibus» и «Последний день одиночества».

Что общего между этими двумя писателями? Что их объединяет? Ведь Нийоле пишет по-литовски, а Clandestinus – по-русски. Однако сегодня все представленные книги изданы на русском языке. Книга Н. Клюкайте «Между» в оригинале

была издана в 2007 году. В этом году уже появился ее перевод на русский язык. А Clandestinus и есть переводчик этой книги. Вот мы и обнаружили то, что их объединяет: поэзия и ее перевод на русский язык.

Н. Клюкайте – одна из лучших писательниц не только Клайпеды и взморья, однако, смею так утверждать, и во всей Литве. Ведь эта Литва не такая уж большая. Нийоле не лезет за словом в карман. Хотелось бы выделить ее поэтический цикл «По смерти каждому». Смерть – словно сестра-близнец, словно тень. Автора злит наглость смерти: «Меня охватывает гнев, когда я веду машину, а она – моя смерть – сидит рядом и полирует ногти. / Меня охватывает злоба, когда я варю суп, а она – моя смерть – ждет, приготовив на столе миску».

Clandestinus – законченный романтик и мистик. В книге «Summis desiderantes affectibus»

воспевается любовь и смерть. Автор пишет: «Я Смерти ждал, чтоб к Жизни возродиться».

Оказывается, что смерть – это еще одна тема, которая объединяет Н. Клюкайте и Clandestinus. Ведь, согласно таинственному автору, «Навек сойти в могилу, утомленным, / Придется всем – и каждому из нас». Книга Clandestinus «Последний день одиночества» насыщена готикой и мистикой, однако попадают и элементы романтики. Ее можно сравнить с его более ранней книгой «Смерть иллюзии», которая появилась в 2004 году. Спустя четыре года после ее выхода мы имеем теперь более зрелую и толстую книгу его мистических историй.

Хочется пожелать обоим авторам всевозможных удачи.

Дайнюс СОБЕЦКИС

Перевел с литовского Clandestinus